

Наталья Калинина

Проклятье музыканта

«Испанский» цикл

Наталья Калинина

Проклятье музыканта

«Калинина Наталья»

2013

Калинина Н. Д.

Проклятье музыканта / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья»,
2013 — («Испанский» цикл)

ISBN 978-5-699-66466-5

Покупая любимому мужу старинную гитару, Анна не подозревала, что вносит в дом зло. С инструментом связано древнее проклятье, и все владельцы гитары погибают. Раулю и самой Анне грозит нешуточная опасность.

ISBN 978-5-699-66466-5

© Калинина Н. Д., 2013

© Калинина Наталья, 2013

Содержание

Пролог	5
I	9
II	19
III	32
IV	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталья Калинина

Проклятье музыканта

С благодарностью за помощь, поддержку и вдохновение талантливым музыкантам: Тимуру Валееву (группа «Ключи»), Диего Мартину (Diego Martin), Хосе Рамону Солер (José Ramón Soler) и группе «Мелокос» (Melocos).

Пролог

1867 год. Испания, Молино Бланко

Время еще не приблизилось к полуденной отметке, а жара уже стояла как в преисподней. Пабло, сняв пенсне, стер заливавший глаза пот и смахнул висевшую на мясистом кончике носа каплю. Протерев краем фартука запотевшие стеклышки, он вновь водрузил пенсне на переносицу и склонился над деревянным столом, на котором лежала дощечка – заготовка для будущего инструмента. Работа двигалась медленно из-за зноя, отнимающего не только силы, но и вдохновение. Казалось, сам дьявол стоит за спиной и дышит в затылок огнем. Не было спасения даже ночью, когда беспощадное солнце брало короткую паузу: земля, за день прокаленная его прямыми лучами, ночью извергала вобранный в себя жар подобно проснувшемуся вулкану. Единственным спасением было накрываться влажной простыней, а другую, смоченную в холодной воде, вешать в дверной проем. Но простыни высыхали еще до того, как Пабло успевал уснуть. Маялся бессонницей он уже вторую неделю, что не могло не сказываться на его работоспособности, ведь мастер в каждую вещь вкладывает не только частичку своей души, но и настроение. А оно в последние дни было скорее хмурым, чем радостным. Печально, потому что каждой своей гитаре Пабло старался отдать все лучшее, чувствуя ответственность, сравнимую с той, какую бы нес за воспитание дочери, готовя ее к выданью и желая ей счастливой судьбы. Инструмент для настоящего музыканта – это не просто деревянная коробка с натянутыми на нее струнами, это почти что любимая женщина. И они – музыкант и гитара – должны подходить друг к другу идеально, как две половинки одного апельсина. Иначе не будет Музыки. Будет лишь набор звуков, производимых без души. Кто-то мог бы с ним поспорить, говоря, что все дело в мастерстве музыканта: в руках настоящего гения и полено зазвучит. Но Пабло на такое заявление ответил бы, что можно, конечно, взять в жены сварливую бабу и прожить с ней в диссонансе всю жизнь, разговаривая лишь одними режущими слух секундами. А можно связать жизнь с покорной женщиной и наслаждаться гармоничным звучанием ее ласковых терций.

Мастер вновь снял пенсне и положил его рядом с дощечкой на стол. Совсем нет вдохновения... Не лучше ли сходить в бар к Антонио, выпить кружку ледяного пива, узнать последние новости? Пожалуй, он так и сделает. Пабло аккуратно повесил фартук на вбитый в стену рядом со шкафом, в котором хранились заготовки, гвоздь и собрался уж было покинуть мастерскую, как услышал тихое звяканье дверного колокольчика. Мгновение, и в помещение вошел высокий сеньор.

– Доброго дня! – поздоровался Пабло. Посетитель проигнорировал его приветствие.

– Вы Пабло Молина, гитарных дел мастер? – спросил он сердитым хриплым голосом.

– К вашим услугам, сеньор, – поклонился хозяин и выжидающе замер, рассматривая незнакомца. Несмотря на удушающий зной, закутан тот был в темно-серый плащ, укрывающий его с головы до ног. Накинутый капюшон скрывал лоб мужчины, отбрасывал тень на его глаза,

не позволяя рассмотреть их. Пабло почувствовал дискомфорт: он не привык разговаривать без зрительного контакта. Ему важно было видеть глаза человека, читать в них истинные настроения и помыслы. Незнакомец, словно угадав его мысли, снял капюшон. Взгляд у него оказался пронзительным и неприятным, как у старого ворона. Человек этот был, скорее всего, молод, но лет ему изрядно прибавляли густая черная борода, спускающаяся почти до груди, сердитые морщины над переносицей да несколько серебристых нитей в смоляного цвета волосах. Под мышкой посетитель держал объемный сверток. Пабло опустил взгляд на ноги мужчины и заметил, что сапоги у того белесые от придорожной пыли, будто незнакомец проделал пешком немалый путь.

– Вам настроить гитару? Заменить струны? Отреставрировать? – спросил Пабло, так как человек не торопился называть цель, с которой пожаловал. Гость вместо ответа заглянул ему через плечо, разглядывая разложенные на рабочем столе заготовки.

– Нет, – отрезал он, переводя взгляд на мастера. – Мне нужна новая гитара. Та, которую бы вы сделали специально для меня.

Пабло кивнул и, подойдя к конторке, вытащил потрепанную книжицу, в которую записывал пожелания клиентов.

– Давайте обсудим. Я работаю с деревом... – Он собрался перечислить породы, но клиент перебил его:

– Я хочу, чтобы вы сделали гитару из моего материала.

Пабло поднял брови, но промолчал. Стоит посмотреть, что принес клиент, и тогда сразу станет ясно, годится ли это для работы или нет. Он освободил стол и жестом пригласил гостя. Тот положил на стол сверток и торопливо принялся сдвигать бечевки. Пабло обратил внимание на то, что пальцы мужчины, когда тот разворачивал пакет, дрожали, будто от нетерпения. На мгновение прикрыв глаза, мастер вообразил, как эти пальцы перебирают струны. Но следом за этим ему почему-то представилось, как они так же нетерпеливо, грозя оторвать их, расстегивают пуговицы на женской блузе. Пабло тряхнул головой и открыл глаза: вот что жара делает с несчастным стариком! Уже столько времени его любимыми женщинами были лишь гитары, и вот надо же... навеяло.

– Подойдет? – кивнул незнакомец на стол. Пабло водрузил на нос пенсне и с бережностью взял одну из дощечек, осмотрел со всех сторон, поднес к уху и пощелкал пальцем, прислушиваясь к тому, «запоет» дерево или окажется «мертвым».

– Персидский орех, – сказал он. Заказчик перекатился с пяток на носки, выказывая нетерпение. Ему, похоже, не столь было важно, чтобы мастер изготовил для него гитару, сколько то, чтобы сделали ее из этого материала. Он хотел было что-то заметить, но Пабло шевельнул кустистыми седыми бровями, призывая человека не мешать. Поспешности в выборе материала быть не должно, от этого зависит, как зазвучит потом инструмент.

– Беру, – вынес он в итоге вердикт, мысленно подбирая к этим дощечкам материал из своих запасов, из которого изготовит уже гриф, накладку.

– И еще вот это, – незнакомец вытащил из кармана широкое деревянное кольцо, похожее на браслет, и протянул его мастеру: – Тоже возьмите.

– Но... – Пабло неуверенно взял браслет, повертел его и вопросительно глянул на странного заказчика: – Что мне с этим делать?

– Что хотите, – вполне серьезно ответил тот. – Но это должно быть так или иначе включено в инструмент. Сколько возьмете за работу?

Клиент вытащил из складок плаща кожаный мешочек. Пабло задумался, а затем уверенно назвал цену.

– Здесь в два раза больше. И вы получите еще, если инструмент окажется именно таким, какой я хочу. Вернусь ровно через четыре месяца.

Посчитав разговор оконченным, мужчина, не прощаясь, удалился.

Пабло вышел из мастерской, чтобы проводить взглядом незнакомца. Тот сразу направился в сторону дороги, ведущей из поселка. Шел твердо, впечатывая шаг в пыль, так, что та, поднимаясь облачками, оседала затем налетом не только на обуви, но и на подоле одежды. Полы плаща от ходьбы раздувались, словно крылья огромной птицы. И Пабло подумал, что незнакомец со спины еще больше похож на ворона.

Он вернулся в мастерскую, задернул штору и, забыв о желании пропустить кружку пива, вернулся к разложенным на столе дощечкам.

* * *

Пабло уже полчаса сидел на разохшемся табурете, рассматривая издали свою работу и не зная, как отнестись к ней. Он изготавливал инструмент почти четыре месяца и закончил на неделю раньше оговоренного срока. Гитара вышла хороша. Но... что-то его в этом инструменте настораживало, что-то отталкивало, а что-то, наоборот, затягивало в омут магии. Весь этот период Пабло трудился с окрыляющим его вдохновением. Но еще никогда не уставал так от работы, как в этот раз, словно гитара вытягивала из него все силы. Да и не все в процессе ее изготовления шло гладко. Он вкладывал в дело душу, но норовистый инструмент будто уже имел свою. Иногда их души сливались в унисон, и тогда работа шла легко, словно лилась музыка из-под пальцев профессионала. А иногда гитара, как своенравная женщина, показывала характер, и дерево вдруг начинало «капризничать» в опытных руках мастера. Не Пабло выбирал для нее материал, а будто она сама. «Отказалась» от красного дерева – эту заготовку Пабло запорол, чего с ним не случалось давно, первой. Затем подобная история приключилась и с заготовками из ясеня и клена. Будущая гитара отвергала предлагаемые материалы, словно красotka, тщательно выбирающая наряд к главному празднику, – непонравившиеся платья. И напрасно Пабло думал, что случилось это от усталости (он пробовал брать перерыв в работе) и потому, что с возрастом его руки перестали быть ловкими, а глаза утратили зоркость. Стоило ему взять ольховую дощечку, как та отозвалась теплом в его ладонях. Интересное дело, гитара будто затребовала союза «женского» дерева и «мужского». Пабло мудро рассудил, что стоит прислушиваться к тем невидимым и неслышимым посылам, которые отправлял ему будущий инструмент, и работа потекла так легко, как никогда.

Если бы эта гитара была женщиной, без сомнений, оказалась бы изумительной красавицей, разбивающей мужские сердца одним взглядом. Последней деталью, завершающей работу, стал орнамент, который Пабло нанес не только вокруг резонаторного отверстия, но и по нижнему краю верхней деки. Превратил принесенный заказчиком браслет в тонкую стружку и из нее сотворил тончайший узор. Ювелирная работа. Словно подарил дорогое украшение любимой женщине.

А сегодня был тот день, когда за своим заказом должен прийти клиент. И Пабло, ожидая его, нервничал, будто отец, отдающий единственную дочь в руки мужчины, от которого он чувствовал исходящую опасность. Тревога мучила с утра так, что бедный старик ничего не мог делать.

День уже перешагнул полуденную отметку, а заказчика все не было. И Пабло начал испытывать надежду, что тот не придет. С инструментом ему не хотелось расставаться до такой степени, что он даже подумал вернуть деньги и заплатить сверху за использованный материал. Пабло встал с табурета и подошел к столу, на котором лежала гитара. Взяв ее в руки, он ощутил исходящее от лакированного дерева тепло, со священным трепетом коснулся струн, перебрал их так ласково, как волосы любимой женщины. Инструмент отозвался нежным чистым звуком. Старик прикрыл глаза и сыграл импровизированную мелодию.

Каким же сентиментальным он стал: воспоминания о жене и двух дочерях, умерших во время эпидемии тифа еще пятнадцать лет назад, давно не вызывали такую рвущую сердце боль,

не проливались слезами. То ли музыка, извлекаемая из инструмента, проникла в его душу, пробив наращиваемый годами кокон, в котором он, словно в гробу, старался похоронить свою боль. То ли действительно к старости стал сентиментален. То ли просто грустил в ожидании разлуки с полюбившимся инструментом.

Пабло смахнул слезы и вновь прошелся пальцами по струнам. Прикрыв глаза, он заиграл уже другую мелодию – темпераментную. Его пальцы, утратившие гибкость музыканта, привыкшие к грубым столярным инструментам, то и дело спотыкались, не поспевая за нужным ритмом, но все же он вложил в игру весь свой неожиданно проснувшийся юношеский задор. А когда закончил исполнение и открыл глаза, увидел стоящую в дверях посетительницу. Прекрасную в своей молодости, яркую, словно пламя. Солнечный свет облекал ее силуэт в сияние так, словно обрамлял в золотую рамку. И он же образовывал над головой девушки нимб.

Но... моргнул Пабло, и пропала девушка, словно и не было ее. Старик даже поднялся с места и, подойдя к дверному проему, выглянул на улицу. Повертел головой туда-сюда в поисках незнакомки, но улица была пустынна, если не считать дворовой собаки, пересекающей ее. Наваждение...

I

Я поднялась по эскалатору из подземки на улицу и зажмурилась от брызнувшего в глаза ослепительными бликами солнца. Первые дни октября выдались теплыми и такими яркими, словно некто, рисуя осень, использовал исключительно летние краски. Оглядевшись в поисках Лауры и не увидев ее, я направилась к стеклянным дверям огромного, напоминающего круизный лайнер универмага Эль Корт Инглес. Удобное для встреч место, несмотря на многолюдность: здесь, через площадь Каталонии, протянулись спрятанные под землей линии электричек, отсюда, от сердца Барселоны, артериями разбегались широкие проспекты, переходящие в капилляры многочисленных улочек.

Я не прожила в Испании еще и года, но эта страна изначально стала «моей»: здесь мне дышалось полными легкими, здесь мне было так комфортно, словно речной рыбе, выпущенной на волю в чистый водоем из узкого аквариума. Я родилась и выросла в Москве, но в моих жилах текла толика испанской крови: мой дедушка был испанцем, высланным в Советский Союз трехлетним ребенком во время гражданской войны. Он прожил в России всю жизнь, женился на москвичке, вырастил двоих сыновей. Я же до недавнего времени не знала о нем, но с детства испытывала непонятную любовь и тягу к этой солнечной стране, ее певучему языку и культуре. Судьбу не обманешь: сделав крутой вираж, она привела меня на родину моего дедушки, где я встретила любимого человека – Рауля и начала новую жизнь здесь вместе с ним.

У Лауры была привычка опаздывать, я же любила приезжать заранее. В ожидании ее я обычно читала книгу, но сегодня решила пройтись по этажам универмага. Мы договорились встретиться не только для того, чтобы увидеться, но и с целью купить подарок ко дню рождения Рауля. Мне хотелось найти что-то такое, что бы его удивило и обрадовало, вещь, выходящую за рамки подарочного парфюмерного набора, свитера или портмоне. Его страстью была музыка, далее шли мотоциклы, но что можно купить и подарить ему из этих областей, я не представляла. Надеюсь, что Лаура, зная вкусы брата лучше меня, сможет помочь.

Она позвонила, когда я бродила по второму этажу, рассеянно перебирая вешалки с мужской одеждой. Я торопливо спустилась и сразу же увидела ее в дверях, одетую в неизменные джинсы-дудочки, заправленные в сапоги на плоской подошве, и в накинутый поверх белой футболки черный кардиган. Вокруг шеи Лаура небрежно намотала алый шарф, а длинные волосы собрала в пучок, как у балерины. Мы расцеловались при встрече, и я, зная, что подруга приехала с работы, спросила, не голодна ли она.

– Нет, Анна. Вначале купим подарок.

У нее уже была идея, за которую я с готовностью ухватилась. Раулю нравилось коллекционировать старые предметы. Дома в кабинете уже стояли радиоприемник шестидесятых годов, модель кабриолета, две пластинки, письменный набор и шкатулка. Эта небольшая коллекция началась с того, что его мама как-то разбирала кладовку в доме своей матери и нашла приемник. Она собралась его выкинуть, но Рауль остановил ее. Среди прочих вещей еще были обнаружены две старые пластинки с фокстротами и вальсами, непригодные для проигрывания из-за царапин, но показавшиеся Раулю ценными. Сметнув, что бабушкина кладовка вовсе не чулан с хламом, а сундук с сокровищами, он разобрал залежи старых вещей в два счета. К «трофеям» добавилась еще и шкатулка. Модель кабриолета и письменный набор он приобрел уже в какой-то лавочке.

Лаура предложила купить что-нибудь из подобных вещей и сказала, что знает в Барселоне пару магазинов антиквариата. Я согласилась, и она повела меня в сторону Готического квартала.

– Что с тобой? Ты выиграла в лотерею? – пошутила я, заметив, что сегодня подруга излишне возбуждена, словно идущий в парк аттракционов ребенок. Я уже привыкла к тому,

что она напоминает беспокойного бесенка: подвижная, активная, веселая, острая на язык. Но сегодня Лаура превзошла себя. В ее движениях было больше, чем обычно, живости, шла она пританцовывая, а когда мы остановились на светофоре, от нетерпения даже подпрыгивала на месте. При этом ее лицо сияло так, словно его подсвечивали изнутри лампочками.

– Нет, – качнула Лаура головой и улыбнулась загадочной улыбкой Джоконды.

– Но что-то ведь случилось?

– Ничего плохого. Надеюсь... – добавила она после короткой паузы, во время которой ее черные брови сошлись в мимолетную «галочку». Но тут же лоб вновь разгладился, и на лице показалась улыбка.

– Что ты натворила? – обреченно спросила я. От этой девушки можно было ожидать чего угодно.

– Ничего!

Шла Лаура быстрым шагом, и я, отстав, едва не пропустила, как она свернула на неприметную улочку.

– Ты уверена? – спросила я. Лаура кивнула, и мне не осталось ничего другого, как следовать за ней. Узкие извилистые улицы меня завораживали, но в то же время прогулка по ним щекотала нервы. В этот час уже начали спускаться сумерки, а очутиться ночью в этом лабиринте – не самое безопасное приключение.

Мы прошли мимо стен, разукрашенных граффити, и оказались возле большой освещенной витрины, за которой располагался тату-салон. Лаура остановилась, и я вместе с ней.

– Может, подарить Раулю абонемент? – на полном серьезе спросила она, разглядывая через стекло brutальных мужчин в черных майках, банданах и с цветными орнаментами на мощных плечах. – Брат как-то обронил, что подумывает скрыть шрамы татуировкой. Так, может, мы...

– Мне лично его шрамы никак не мешают! Пусть лучше они, чем татуировки, – перебила я ее и оттащила подругу от стекла в тот момент, когда один из обитателей салона оглянулся и расплылся в «дружелюбной» улыбке голодного волка, а затем сделал приглашающий жест. Чертовка Лаура, отходя от витрины, улыбнулась в ответ и даже послала татуировщику в бандане воздушный поцелуй.

– Давиду расскажу, как ты тут флиртуешь, – прошипела я, думая о ее женихе.

Непредсказуемый финт судьбы: для Лауры не было страшней врага, чем лучший друг ее брата. Эти двое, Лаура и Давид, с детства вели войну, унижая друг друга. Даже когда выросли, продолжали в том же духе, хоть видимых поводов для вражды и не было. Но в какой-то момент темпераментная ненависть перешла в не менее темпераментную любовь.

– Не расскажешь, – засмеялась Лаура, зная, что моя угроза – пустая.

Темнота накрыла все вокруг так быстро, словно не спустилась на город, а упала. Улица оказалась освещена лишь редкими фонарями на стенах домов, свет от которых ложился пятнами, оставляя часть дороги в сумраке. Если бы можно было взглянуть на улицу сверху, она бы напомнила перфорированную трубу. Я собралась было спросить, не лучше ли нам повернуть назад, как вдруг заметила зеленую деревянную дверь – единственный цветной мазок в этом сером бесконечном коридоре из каменных стен. В щель над порогом пробивался свет, и сквозь стекло, вставленное в верхнюю часть двери, виднелись развешанные по стенам гитары различных форм.

– Сюда, – сказала я Лауре, завороченно рассматривая инструменты. В голове словно мелькнула вспышка: старая гитара. Такой подарок точно приведет Рауля в восторг.

– Ты уверена? – скептически спросила подруга. – Гитара же у него есть.

– Современная, – согласилась я. – Но не старинная.

Я с внезапно нахлынувшим на меня волнением толкнула дверь и вошла. В небольшой комнате, наполненной теплым дынно-желтым светом, после темной улицы показалось так ком-

фортно, будто мы с мороза вошли в натопленное помещение. За столом, склонившись над какими-то бумагами, стоял мужчина, который окинул нас коротким взглядом и, видимо не сочтя за покупательниц, вернулся к своим делам. Моя решимость дала трещину, и в поисках поддержки я оглянулась на Лауру.

– Что вам угодно? – в старомодной манере спросил вышедший к нам из глубины помещения парень лет двадцати с прической в стиле «Битлз». Я изложила просьбу.

– Классические? Старые? Есть такие! – воскликнул молодой человек и поманил нас за собой.

Он провел нас за темную штору, и мы будто попали в ящик волшебника, который из современного мира переносит в другой. В воздухе витал запах дерева, лака и клея, вносивший в уют этой комнаты особую ноту. Здесь так же по стенам были развешаны инструменты, но на этот раз не гитары, а скрипки и виолончели, а напротив входа находилась стойка, за которой пожилой сеньор с длинными седыми волосами и в круглых очках без оправы осматривал одну из скрипок. При нашем появлении он даже не поднял головы.

– Вот они, – вернул мое внимание парень и указал рукой на стену, на которой под самым потолком за стеклянной витриной находилось несколько гитар разных форм. Я увидела ценник и обреченно вздохнула: не выйдет оригинального подарка Раулю. Самая дорогая стоила как новенькая японская машина, самая дешевая, хоть и стоила вдвое меньше, тоже по цене тянула на автомобиль. Не проще ли уж сразу купить Раулю вторую машину или пару новых мотоциклов?

Лаура угадала, о чем я думаю, но виду не показала, что огорчилась. Наоборот, подарила молодому человеку очаровательную улыбку. Неужели чертовка собирается торговаться?! Да тут, чтобы сбить цену до той, которую бы я могла потянуть, мало просто пококетничать, тут и замуж с разбегу выйти и то не поможет. Но Лаура с видом знатока стала расспрашивать о мастерах, материалах, из которых были изготовлены гитары, их возрасте. Мне оставалось только дивиться ее осведомленности. Видимо, сказывалось то, что она большую часть жизни прожила под одной крышей с братом-музыкантом. А я же, очарованная, смотрела на гитары, думая не столько об их стоимости, сколько о том, какие истории они хранят. Задумавшись, я чуть не пропустила тот момент, когда Лаура, улыбаясь такой солнечной улыбкой, какая бы и камень растопила, как лед, грациозным жестом обвела экспозицию:

– Мы ищем подарок для моего брата.

Прозвучало это так, словно она собиралась скупить все гитары оптом. Я зашипела и незаметно толкнула ее в бок, прося прекратить. Но Лаура и ухом не повела.

– Ему очень нравятся старинные вещи. К тому же он известный музыкант: солист группы «El gato de cristal»¹.

Лаура сделала эффектную паузу, рассчитывая, видимо, что молодой человек ахнет от удивления. Увы, моя дорогая подруга немного просчиталась: о такой группе консультант, похоже, не слышал, потому что неуверенно пожал плечами и что-то неразборчиво промямлил.

– Наверняка знаете! – не сдавалась Лаура. – Одну песню довольно часто крутят по радио...

Она даже напела ее, и молодой человек растерянно заулыбался.

– У него на днях день рождения, и мы решили купить ему старинную гитару в подарок.

Я во второй раз пихнула разошедшуюся подругу в бок. Но она, уже не скрываясь, отмахнулась от меня, как от назойливой мухи, и изящным жестом поправила волосы. Я во все глаза глядела на нее, удивляясь ее поведению: Лаура отнюдь не была кокеткой. А может, она просто умело прятала свои женские чары и пускала их в ход лишь в исключительных случаях, под действием разыгравшегося, как сейчас, азарта?

¹ «Стеклянный кот» (исп.).

Все это было довольно интересно, но только вряд ли красота и кокетство Лауры могли нам помочь выторговать гитару по приемлемой для нас цене.

Я оглянулась на стекло, за которым по освещенной фонарями улице прохаживались туристы. Мне очень хотелось выйти наружу, уйти подальше от этого покрасневшего до корней смоляных волос парнишки, подпавшего под обаяние моей подруги. И я собралась уж было прекратить спектакль, как вдруг случайно встретилась взглядом с сеньором за стойкой, который теперь наблюдал за нами. Мне даже показалось, что в его глазах мелькнули смешинки. Я неожиданно для себя улыбнулась ему и развела руками, словно говоря: мол, что поделаешь, остановить эту очаровательную сеньориту – все равно что пытаться удержать руками ракету. Сеньор меня понял и потому решил вмешаться, но произнес совсем не то, чего я ожидала:

– Джуан, принеси гитару, которую мы получили последней.

– На которой вы утром перетягивали струны?

– Ее самую, – кивнул мужчина, глядя на нас поверх очков-стеклышек. Лаура, мигом смекнув, кто здесь главный, улыбнулась уже ему, но улыбкой не искуственности, а невинного ангела.

– А разве вы не хотели оставить ее себе? – начал молодой человек, но осекся, поймав укоризненный взгляд сеньора, и юркнул за темную штору.

– Высокая стоимость этих инструментов вызвана известностью мастеров, сделавших их, а также материалом. Гитара, которую сейчас принесет мой юный помощник, стара, но имя мастера, ее изготовившего, мало известно. Хотя, на мой взгляд, он отлично знал свое дело.

За спиной раздались шаги, и мы с Лаурой одновременно оглянулись на вернувшегося Джуана.

– Посмотрите, какая красота... – Сеньор принял из рук парнишки инструмент и ласково провел по лакированному корпусу пальцем, тронул орнамент, а затем отдернул руку так, словно, забывшись, коснулся плеча желанной, но недоступной женщины.

– Нам принес ее на днях один сеньор. Гитара ему не нужна, и он отдал нам ее за бесценок. Мне не хотелось обманывать этого пожилого человека, поэтому я сказал, что инструмент стоит намного дороже той суммы, которую он запросил. Но сеньор ответил, что принес нам инструмент не ради выгоды, а ради того, чтобы он оказался в хороших руках, а не погиб в неизвестности, рассыхаясь на антресолях. Что ж... Я думал оставить гитару себе. Но эта юная сеньорита меня очаровала. Жаль отпускать вас без покупки. Я возьму с вас ту плату, которую запросил бывший владелец, и добавлю стоимость восстановительных работ, что не так уж много. Только пообещайте относиться к этому инструменту с любовью, – усмехнулся сеньор доброй улыбкой Санта-Клауса.

– Обещаем! Если бы вы знали моего брата, вы бы ни капли не сомневались в том, что гитара попадет в хорошие руки. Он будет очень счастлив! – с чувством выдохнула Лаура. Когда она оглянулась на меня, ее темные глаза сияли торжеством.

Выйдя из магазина, мы смешались с толпой туристов и неторопливо пошли в сторону площади Святого Хайме, чтобы оттуда знакомым маршрутом выйти в центр и к электричкам. Лаура держала гитару, упакованную в специальный чехол. Мы договорились, что это будет подарок от нас обеих, и заплатили стоимость пополам, а чтобы Рауль раньше времени не обнаружил гитару, решили, что она пока побудет у Лауры. Так, счастливые, припоминая со смехом «торговлю», мы шли по улице. Но в какой-то момент Лаура вдруг оглянулась, при этом на ее лице отразилось беспокойство.

– Что-то не так? – встревожилась я.

– Мне показалось, будто кто-то настойчиво смотрит мне в спину, – сказала она.

Я опять оглянулась, но понять, глядел ли кто нам вслед, было сложно, потому что улица была полна прохожих.

Подобное ощущение, что кто-то следует за нами, почувствовала позже и я, когда мы с Лаурой решили зайти в один из встретившихся на пути ресторанов. Я оглянулась в дверях, но никого, кроме смеющейся парочки и прошедшего торопливым шагом мимо нас мужчины, не увидела.

Мы заказали несколько тарелочек с тапас². И когда официант принес заказ, Лаура придвинула к себе блюдечко с маринованными оливками и решительным жестом отодвинула от себя тарелку с ломтиками хамона. Я удивленно вскинула брови, зная, как она любит хамон. Но Лаура, беря с блюдечка оливку, будничным тоном сказала:

– Я беременна.

Я едва не поперхнулась водой. А подруга, довольная эффектом, засмеялась:

– Так, понимаю, новость тебя ошарашила?

– Немного. Давид уже знает?

– Нет еще, – с улыбкой покачала головой она. – Только ты. И, надеюсь, не проговоришься даже Раулю.

Я пообещала молчать.

– Срок небольшой, – продолжала Лаура, сметая оливки с блюдечка с невиданной скоростью. Не притронулась она и к картофелю с чесночным соусом. – Если бы ты знала, как мне тяжело держать язык за зубами! Иногда так и распирает взять телефон и обзвонить весь мир с новостью. Но пока даже родителям не сообщила. Хочу сделать подарок Давиду на день рождения: он родился через месяц после Рауля. Может, скажу брату, но потом, сама.

Наш разговор прервал звонок телефона Лауры: звонил обеспокоенный ее долгим отсутствием Давид. Лаура поговорила с ним, а затем, убрав мобильный в сумку, сообщила мне:

– Давид сказал, что заедет за нами. У него сегодня выходной.

Друг Рауля работал в одном из ресторанов поваром, и его смены начинались как раз ближе к вечеру. Но два дня среди недели у него были выходными. Как мне уже удалось убедиться, Давид был настоящим алхимиком в своем деле, приготовление блюд было для него не будничным процессом, а магией. И, надо признаться, выходили они у него поистине волшебными. Я знала о мечте Давида открыть свой ресторан, как и о том, что в кризисное время он не желал рисковать.

– Мы отвезем тебя домой, – объявила Лаура.

– Не надо, это большой крюк. Я доеду на электричке. Торопиться мне некуда: Рауль сегодня допоздна задержится на репетиции.

– Давид и слушать не станет, ты же знаешь.

И я не стала дальше спорить. Узнав Давида лучше, я поняла, почему Рауль так ценит дружбу с ним, почему с такой теплотой всегда отзывается о своем друге, который при первой встрече чаще всего производил впечатление неприятного грубияна. За некрасивой, даже пугающей внешностью Давида скрывался заботливый, надежный, готовый тут же прийти на помощь друг.

– Ты выйдешь за него замуж? – вырвалось у меня.

Лаура засмеялась.

– Пока не собираюсь! Нам и так хорошо. Но если предложит, обещаю подумать. Хотя... Я не хочу свадьбы. С большим удовольствием сделала бы так, как вы с Раулем, – произнесла она, мечтательно подперев рукой щеку. – Никаких пышных торжеств с приглашением из всех дальних деревень Испании тетюшек и дядюшек, кузенов и кузин, которых я в жизни не видела. Никаких пятиэтажных тортов и поцелуев на публику. Я бы просто сбежала с Давидом на какой-нибудь тропический остров. Купальник и парео – вместо свадебного платья, венки из цветов – вместо фаты. Вместо скучной церковной церемонии – обряд по местным обычаям. Затем

² Испанские закуски.

– ужин на двоих в местном ресторане. И ничего больше. Вышла бы замуж за Давида так же тайно, как ты – за моего брата.

Я не сдержала улыбки, вспомнив о нашей с Раулем спонтанной свадьбе.

...Еще полтора года назад я была благополучно замужем, жила в Москве и не представляла, что моя жизнь может сделать такой крутой вираж. У меня было тогда все, что, казалось, нужно для счастья: муж, собственная крыша над головой, любимая работа со свободным графиком (занималась я письменными переводами на дому). Моя жизнь с Костиком, человеком, привыкшим следовать правилам и нормам, напоминала тихую реку, может быть излишне предсказуемую, но потому, как казалось мне, и надежную. Я мирно плыла, увлекаемая спокойным течением, и совершенно не ожидала, что за непредвиденным поворотом скрывается водопад, после падения с высоты которого меня едва не затянет в омут депрессии: измена мужа, сложный развод с угрозами и шантажом со стороны Костики, период сердечной «реабилитации», во время которого я замкнулась в своем одиночестве. Совсем не поклонница рафтинга, я была рада вновь оказаться в тихом озере, пусть оно и грозило со временем превратиться в стоячий пруд. Но хоть мне и казалось, что даже от дождевой лужи теперь буду ожидать подводных течений, так и не успела понять, как и когда меня сбило с ног бурным потоком и поволокло по порогам новой любви...

С Раулем мы расписались в одном из столичных ЗАГСов в начале этого года, когда вместе прилетели в Москву. Моя близкая подруга Арина активно участвовала в предсвадебной суете, взвалив на свои плечи большую часть хлопот, и была рада за нас. Но уже в ЗАГСе, после завершения церемонии, она с опозданием осознала, что теперь я уеду жить в другую страну. Всхлипнув на весь зал, подруга бросилась ко мне на шею и разрыдалась. За Ариной от накативших чувств пустила слезу моя двоюродная сестра Мария, а за ней, конечно, и мама. Жених, считавший, что свадьба – событие радостное, никак не ожидал от дам такой реакции. Поэтому взирал на происходящее с испуганным выражением лица, не понимая, то ли это русская традиция – оплакивать невесту как на похоронах и все идет как надо, то ли невеста уже жалеет о сотворенном, а вместе с нею и близкие, то ли слезы – это просто женская реакция на любые события, как печальные, так и радостные. Он недоуменно переводил взгляд с нас на мужчин – моего отца, мужа Арины Савелия и жениха Марии Николая – в поисках поддержки. Но наткнулся на суровые лица воинов с советских открыток и еще больше тушевался. Откуда ему было знать, что эти хмурые, казалось бы, лица на самом деле выражали торжество! На свадебном снимке мы так и вышли: четыре заплаканные барышни в окружении сурово-хмурых, стоящих в одной позе, словно телохранители, русских богатырей, и Рауль – с растерянной донельзя улыбкой...

Мы дождались прихода Давида. Как Лаура и обещала, меня довезли на машине. И хоть я думала, что муж вернется поздно, он уже оказался дома: жарил на кухне стейки и резал овощи для салата.

– Я тебя потерял, – сказал он, откладывая нож и обнимая меня. – Звонил, звонил...

– Да? – удивилась я и, вытащив мобильный, увидела на нем пять пропущенных звонков. Заболталась же я с Лаурой! Хорошо, что подарок Раулю забрала она, иначе бы сюрприза не вышло.

– Сейчас будем ужинать, – сообщил муж, выключая под сковородой огонь. И хоть я уже была сыта, согласилась составить ему компанию. Пока Рауль перемешивал салат и раскладывал по тарелкам стейки, я накрыла на стол. Кот Булка, который уже давно привык к запаху жареного мяса, первым занял один из свободных стульев и теперь с волнением в круглых глазах следил за моими перемещениями из кухни в гостиную, ожидая появления мяса.

– Рауль, Булка ел? – не выдержала я голодного взгляда животного.

– А как же! – раздалось с кухни. – Целую банку паштета умял!

– Булка... – упрекнула я кота.

«Сами консервами питайтесь», – ответил тот обиженным взглядом и переключил внимание на вошедшего в комнату с двумя тарелками в руках хозяина. От нетерпения он даже переступил передними лапами и, вытянув шею, принялся так красноречиво, что мы с Раулем дружно рассмеялись.

– На уж, – не выдержал муж, отрезая от своего стейка кусок и деля его на несколько маленьких. – Скоро на диету тебя придется сажать. Пойдем, положу в твою миску.

Приглашать дважды Булку не пришлось: издав довольное мяуканье, он проворно спрыгнул со стула и умчался на кухню впереди Рауля. А я опять с грустью вспомнила о своей кошке, которую была вынуждена оставить в Москве Арине: Дуся не ужилась бы с Булкой, а подруга так настойчиво уговаривала меня оставить ей кошку, что пришлось скрепя сердце уступить. Но я безумно скучала по любимице, утешая себя тем, что Арина уже не раз брала к себе Дусю во время моих отъездов.

За ужином мы с Раулем рассказывали друг другу о прошедшем дне. В завершение он сказал, что завтра полдня у него свободно.

– После обеда уеду: последние обсуждения перед съемками клипа. Но утро проведем вместе! И никто у нас это время не отнимет!

* * *

Проклятие! Досада, опасно балансирующая на границе со злостью, выплеснулась желчью ругательств, оставив на языке горький привкус. Гораздо резче, чем бы следовало, мужчина толкнул тяжелую деревянную дверь с трещинами снизу, и звук от удара ее о каменную стену разнесся по всему нутру старого подъезда, вызвав в ответ вопли полусумасшедшей старухи Антонии, проживающей на нижнем этаже, и истеричный лай ее шавки – такой же старой, облезлой и нервной. В другой день он прошел бы мимо, но сегодня не смог подавить раздражение и не удержался от мальчишеской выходки. Зная, что Антония бессменно дежурит у дверного глазка, присел, приблизился на корточках к двери, накидывая капюшон так, чтобы тот скрыл в тени часть лица, и, оскалившись, резко выпрямился, явив в глазок страшную рожу. За дверью послышался испуганный крик и следом за ним визг – видимо, старуха, отпрянув, наступила своей блохастой псине на крысиный хвост. Ну что ж, если соседку от испуга хватит удар – к лучшему. Будет избавление остальным обитателям подъезда от ее стервозного характера, а ей самой – от опостылевшего существования.

Да куда там... Такая еще всех переживет. Не слушая более разносящихся по всему подъезду ругательств, ничуть не заглушаемых дверью, мужчина бегом преодолел первый лестничный пролет, а дальше пошел уже спокойно. Круто закручивающуюся лестницу с разнокалиберными сбитыми ступенями, ведущую, казалось, к самому небу, слабо освещали привинченные к каменным стенам рожки, создающие обманчивое ощущение погружения в старые времена. А тени, разливающиеся по стенам неровными подтеками, казались копотью, оставшейся от свечного пламени. Мужчине даже вдруг почудился запах воска. Мимолетное обманчивое впечатление. В рожки, конечно, были вкручены современные электрические лампочки.

На одном из пролетов он едва не наступил на хвост сидевшей на ступени кошки. Животное, до этого мирно вылизывавшее лапу, при его приближении зашипело, выгнуло спину дугой и метнулось к ближайшей двери. Следующий пролет мужчина преодолел под вой кошки, в котором страх смешался с агрессией: эти твари его не жалуют.

Еще один пролет в этом «панцире улитки», и он наконец-то достиг своей двери – единственной на площадке, ведущей в чердачное помещение под крышей, переделанное под жилую комнату. Сырость и могильный холод дохнули ему в лицо, едва он переступил порог. Забавно:

в этом склепе он чувствовал себя куда уютней, чем в первоклассном номере какого-нибудь элитного отеля. Мужчина переступил порог и тронул ладонью клавишу выключателя. Голая, висевшая на одном шнуре лампочка осветила лишенную мало-мальского уюта комнатенку, втиснуть в которую удалось лишь узкую кровать, шкаф и кресло. Даже стола не было, и если приходилось тут обедать, он приспособлял под стол принесенную с улицы доску, кладя ее на поручни кресла. У противоположной стены виднелось маленькое, похожее на бойницу окно, в которое никогда не заглядывало солнце: выходило оно на такую узкую улицу, что, казалось, вытянешь в окно руку – и коснешься стены дома напротив. Грязная ширма отделяла жилую часть комнаты от «кухни», состоящей из старой двухкомфорочной плиты, которой мужчина пользовался редко, и не для приготовления пищи, а для обогрева своего жилища, и туалетной «комнаты», являвшейся просто-напросто закутком рядом с «кухней». Протекающий унитаз и проржавевший душ, вода из которого стекала в плиточный поддон, – вот и все удобства. Возможно, другого испугали бы подобные условия, но не его, ищущего совсем не уюта. Здесь он будто проваливался в другую эпоху, ту, в которой чувствовал бы себя куда комфортней. Да и жилище это – временное пристанище. Остановка на бесконечном пути. Возможно, уже завтра-послезавтра он съедет отсюда. Как знать... Все зависит от результатов его поисков.

Мужчина присел в кресло и, откинувшись на спинку, прикрыл глаза, стараясь восстановить в памяти подробности этого вечера – удачу и свой провал. Он и *она* вели эту игру давно, меряясь силами и каждый раз усложняя правила. *Она* появлялась внезапно, а он реагировал без промедления. *Она* ускользала и вновь появлялась, заигрывая, увлекая, то подпуская близко, то вновь отдаляясь, действуя почти по одному сценарию, но в последний момент каждый раз обводя его вокруг пальца. Вот и сегодня удача отвернулась от него так же мгновенно, как и показала лицо. Досадное упущение... Вначале он не успел, опоздал всего лишь на какие-то минуты. Пришел, а *она* уже ускользала от него. Но он бросился в погоню и шел добрую часть пути не спуская глаз с девушки. Но *она* опять обвела вокруг пальца: мужчина еще видел спину девушки, но, на секунду отвлекшись на толкнувшего его прохожего, потерял преследуемую из вида. Прошел вперед, вернулся, но тщетно...

Он не собирается отступать. Мужчина поднялся из кресла, взял валявшуюся на неправильной кровати бейсболку и надвинул ее на глаза.

На улице ветер тут же донес до него сладковатый запах марихуаны, частенько витавший в этих закоулках. Неблагополучный район, не для заблудившихся ночью туристов. Но мужчина не боялся ни грабителей, ни обкуренных наркоманов. Что с него взять? Нечего. Он потерял гораздо больше, чем у него могли бы отобрать.

Мужчина вернулся туда, откуда начала сегодня свой путь *она*. Толкнув дверь, вошел в освещенное помещение и, увидев за стойкой мальчишку, направился к нему... Пара вопросов, располагающая улыбка – а он умел располагать к себе людей, когда хотел, – и вот уже узнал то, что ему было нужно. Ну что ж, хоть его первый ход во вновь затеянной *ею* партии и закончился для него потерей фигуры, но пешки, а не королевы.

Мужчина вытащил из кармана бумажку с написанными на ней четырьмя словами и расправил ее. «El gato de cristal». Это ключ. И воспользуется он им безотлагательно.

Неподалеку от того дома, в котором он поселился, находился круглосуточный пункт связи, и мужчина направился туда. Оставил на стойке владельцу-пакистанцу несколько монет и, получив в ответ пароль, сел за выдавший виды компьютер. Пусть он не любит современность, но не может отрицать того, что она дает ему достаточно преимуществ. Мужчина достал из кармана бумажку, вбил в строку поисковика записанные слова и мысленно возликовал, увидев внушительный список ссылок. Да, на этот раз, похоже, судьба решила сжалиться над ним.

Он открывал страницу за страницей и внимательно изучал все, что находил. Читал интервью и новости, делая пометки в маленький блокнот, пролистывал сообщения на форумах, рассматривал снимки, главным образом скрупулезно изучая, как влюбленная юная дева, фотогра-

фии одного из шестерых молодых мужчин – высокого, со взъерошенными черными волосами и светлыми глазами, с вытатуированной на правом плече пантерой. Все снимки, которые попадались, были так или иначе связаны с деятельностью парня. Здесь были фотографии с концертов, с поклонницами после выступлений, из студии во время работы, с профессиональных фотосессий. И ни одной, сделанной в домашней обстановке! Как и ни одной фразы в интервью, в которой бы музыкант проговорился о частной жизни, даже на прямые вопросы интервьюера о личном он умело уходил от ответа. То ли так тщательно оберегал свой домашний мир от чужого любопытства, то ли просто вся его жизнь сводилась к музыке.

И все же после долгих поисков на глаза попались две фотографии, сделанные прошлой зимой, не имеющие никакого отношения к концертам и записям. На первом снимке молодой человек, одетый в синюю куртку, с намотанным вокруг шеи толстым шарфом, обнимал на фоне заснеженного пейзажа улыбающуюся девушку в вязаной шапочке, из-под которой выбивались длинные каштановые волосы. Оба смотрели не в объектив, а друг другу в глаза, так, словно неизвестный фотограф подловил их за мгновение до поцелуя. На втором снимке молодая пара явно дурачилась: парень поднял девушку со спины под мышки, будто собирался бросить ее в сугроб, она смеялась и, сопротивляясь, болтала в воздухе ногами. В одной руке незнакомка держала сдернутую с головы шапку, и ее волосы красиво лежали на плечах крупными волнами.

Мужчина увеличил обе фотографии, рассматривая на этот раз уже девушку. Невысокая – своему рослому спутнику она едва доходила до плеча. Милая, скорее просто симпатичная, чем красавица. Но у нее была такая солнечная улыбка, что невозможно было отвести от нее взгляд, и редкого изумрудного оттенка глаза, лучившиеся счастьем и любовью. Мужчина неожиданно для себя залюбовался сияющими глазами, улыбкой, завитками густых волос с осевшими на них снежинками. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что завидует парню этой девушки: и потому, что смотрит она на него таким влюбленным взглядом, и потому, что тот испытывает к ней ответное чувство.

Спohватившись, мужчина закрыл страницу и резко поднялся из-за стола. Все, что ему пока надо, он выяснил. Его ошибкой было то, что раньше он пытался склонить на свою сторону мужчин – своих соперников. Но никогда не пробовал взять в союзницы женщину – ее соперницу...

* * *

В ту ночь я впервые за долгое время плохо спала, мучаясь тревожными снами, которые хоть и прерывались, но оказались сериалом с одним и тем же персонажем. Мне снилась незнакомая девушка, яркая, как кровь на снегу. В ее внешности сочеталось что-то дьявольское и одновременно ангельское: демонический взгляд, казавшийся таким из-за глубокой темноты в ее черных глазах, и невинная улыбка святой. У нее было совершенное лицо, над которым поработала не природа, – сам Господь Бог вырисовывал его с любовью. Но дьявол, вдохновившись огнем темного царства, добавил грешной страсти в ее глаза и жаром напоил ее яркие губы.

На незнакомке было алое платье, которое обнажало ее плечи и наполовину – грудь, плотно обхватывало талию и падало до щиколоток многоярусными пышными юбками. Ее черные волосы, полусобранные сзади, украшала крупная бордовая роза. Невероятно красивая девушка, ослепительная до боли в глазах, роковая до разбитых одной стрелой-взглядом сердец.

Я помнила, что образ ее переходил из одного моего сна в другой, но сюжеты стасовались, словно карты, и рассыпались в памяти сложным пасьянсом, который к утру уже не вспомнился. Запомнился лишь последний перед пробуждением сон, в котором девушка танцевала босой с таким отчаянием, словно это был не танец, а поединок не на жизнь, а на смерть. В какой-то момент, наблюдая, будто со стороны, за ней, я вдруг подумала, что танцует она на сложенных для костра дровах, надеясь выторговать у смерти еще ночь жизни в обмен на свой страстный

танец. Юбки танцовщицы взметались, как всполохи огня, открывали ноги до колен, волосы разметались по спине. Запрокинув лицо и прикрыв глаза, девушка плакала, и по ее щекам катились кровавые слезы. Это зрелище мне показалось одновременно и завораживающим, и жутким. Засмотревшись на нее, я пропустила тот момент, когда юбки платья стали языками пламени, облизывающего лодыжки девушки, подбирающегося по ее голени к бедрам, скрывающего взметнувшиеся кверху руки. Пламя поглотило ее, а из моего горла вырвался хриплый крик, который разбудил мужа. Рауль обнял меня, но я уже не смогла уснуть из-за ощущения тревоги. Нехорошие предчувствия отравили мое настроение: со снами я была в особых отношениях, иногда они оказывались вещими и предупреждали об опасности.

Но в счастливом утре, которое я провела вместе с мужем, эти тревожные предчувствия растворились без остатка.

II

В субботу, в день рождения Рауля, я встала пораньше, чтобы испечь к завтраку пирог, который он любил. Но успела лишь выставить на стол глубокую миску для замешивания теста, когда за моей спиной раздался голос мужа:

– Что ты делаешь?

Я ойкнула и резко оглянулась. Рауль стоял в дверном проеме, взъерошенный со сна, босой, в одних потертых домашних джинсах, и щурился, разглядывая меня. Я с трудом отвела взгляд от его голого торса, от пантеры на плече и, доставая из ящика ложку, призналась:

– Пирог хотела испечь. А ты мне испортил сюрприз. Не думала, что ты так рано встанешь.

– Я проснулся, потому что тебя не было рядом.

Он подошел ко мне и, обняв, уткнулся небритым подбородком мне в шею. Ложка, которую я держала в руках, едва не выскользнула из пальцев: когда Рауль вот так прикоснулся к моей коже, когда целовал за ухом, когда шептал что-нибудь в волосы, я переставала существовать. Я обняла его, уткнувшись лицом ему в грудь, вдыхая еле уловимый запах одеколона, впитавшийся в кожу. Какая выпечка, когда для меня в этот момент Земля останавливалась! В такие моменты мне хотелось задержать время, превратив мгновения в вечность. Счастье – это когда есть кого обнять.

Рауль словно прочитал мои мысли, потому что тихо рассмеялся. Я нехотя разжала руки, выпуская его, и отвернулась к холодильнику, чтобы взять пакет молока. Когда повернулась, муж уже сидел на высоком табурете за стойкой и, подперев кулаком щеку, с легкой улыбкой наблюдал за мной. Его глаза сейчас казались темными из-за того, что сидел он спиной к окну, но в зависимости от освещения они могли менять цвет от прозрачного зеленого до зеленого бутылочного оттенка.

– С днем рождения! – запоздало поздравила я.

– Угу! – кивнул он, продолжая с легкой улыбкой рассматривать меня.

– Что?

– Мешаю?

– Отвлекаешь.

– Иди сюда, – сказал Рауль, беря меня за запястье и притягивая к себе. – Оставь это... Позавтракаем в кафе. Потом.

Пирог в то утро я так и не испекла. И, может, в тот день мы никуда и не вышли бы из дома, если бы не обещание родителям приехать к ним на обед.

Сеньора Пилар и сеньор Андрес жили от нас в часе езды на машине. Раньше Рауль снимал квартиру в соседнем с ними поселке, но она оказалась слишком мала для двоих, и мы нашли подходящую нам по всем параметрам квартиру на побережье.

По дороге мы заехали в один из торговых центров и купили гостинцы и небольшие подарки для родителей, после чего направились в Санрок. Каждый раз, когда я приезжала в этот поселок, меня накрывало одно и то же ощущение: будто внутри меня сжималась какая-то пружина, а затем резко выстреливала. С этим поселком оказалось связано слишком много, от хорошего до плохого, он отпечатался в моей памяти еще до моего рождения и звал меня с раннего детства через вещие сны. Здесь я встретилась с Раулем, здесь узнала тайну своей семьи.

Не знаю, догадывался ли муж о том, о чем я думала в этот момент, молча разглядывая в окно выстроившиеся вдоль дороги стеной к стене прилегающие друг к другу каменные дома. Может, считал, что на меня каждый раз накатывает грусть, вызванная воспоминаниями о дедушке, которого я и знала всего-то ничего, но успела полюбить. А я каждый раз перебирала свои воспоминания будто четки, освежая их, на каких-то «бусинах» останавливаясь дольше,

каких-то касаясь лишь на мгновение. Вон бар, в котором я впервые увидела Рауля на сцене. Все так же открыт, и улыбочивый бармен-перуанец продолжает работать в нем. Вот библиотека, похожая на здание космодрома из старых фильмов про будущее, тоже сыгравшая в моей судьбе важную роль. Каждый раз при взгляде на нее мне вспоминалось августовское утро, наш первый разговор с Раулем, волнение, которое вызывал у меня тогда этот обаятельный зеленоглазый парень... Я бросила мельком взгляд на мужа, скользнула взглядом по его профилю, по рукам, уверенно лежащим на руле нашей недавно купленной «Тойоты». Муж почувствовал мой взгляд и, глянув на меня, вопросительно поднял бровь. Я качнула головой и молча улыбнулась.

Когда мы сворачивали к старой фабрике, я, к радости, увидела старика Пако, местную знаменитость. Старичок давно жил в своем воображаемом мире, почти не соприкасающемся с реальностью. Вот и сейчас стоял он на пешеходном переходе посреди дороги, одетый, как всегда, экстравагантно – в белую рубашу, воротник и полы которой выглядывали из-под серой куртки, в спортивные синие штаны с широкими красными лампасами и домашние тапочки. Старик опять пытался регулировать движение, крича в сигаретную пачку будто в рацию. Рауль засмеялся и притормозил. Пако глянул в сторону нашей машины и взмахнул рукой, словно давая разрешение, а затем зашаркал к тротуару. Остановившись на его кромке, он вошел уже в другую роль: свесил вдоль лампасов руки и пронзительно заголосил какую-то песню, сопровождая каждую высокую ноту энергичным встряхиванием головы.

– Зря ты не пригласил его в группу, – засмеялась я.

– Когда-нибудь мы с ним еще споем дуэтом, – ответил, улыбаясь, Рауль.

Я мельком оглянулась в сторону домика, который, так же как и фабрика, достался нам с двоюродной сестрой по наследству. Мы с Марией решили не продавать его, а сдавать, и месяц назад в него заселилась молодая семья.

– Мне хотелось бы навестить Кармен и Хуана, – сказала я Раулю, подумав о живущей по соседству пожилой паре, которая в мой первый приезд приняла меня очень тепло. – Сегодня не получится, но в следующий раз – обязательно.

Дорога серпантинном опоясывала возвышающуюся за поселком гору и вела к относящемуся к Санроку, но находящемуся обособленно от него сектору частных домов, где и жили родители. На дороге перед домом уже был припаркован серый «Рено» Давида. Рауль оставил машину за ним, отпер калитку, потрепал по ушам выбежавшую нам навстречу лохматую дворнягу Луну, погладил огласившего радостным лаем окрестности цепного пса Цезаря и открыл дверь дома.

Едва мы вошли в квадратную прихожую, как тут же услышали разносившийся громовыми раскатами по всему дому голос Давида:

– А я вам говорю, дорогая моя Пилар, что если вы добавите еще томата, да с перетертым чесноком, то блюдо от этого лишь выиграет!

– Давид, я паэлью готовлю уже тридцать лет по этому рецепту, и еще никто никогда не жаловался на то, что она не удавалась! – раздался следом женский голос. Рауль улыбнулся и, приложив палец к губам, поманил меня за собой. «Как всегда, спорят», – шепнул он, подводя меня к двери, ведущей на кухню.

– А я не говорю, что она у вас невкусная выходит! Но если послушаете моего совета...

– Ишь, советчик выискался! Сын мой, я готовила по этому рецепту еще задолго до того, как ты на свет появился! На своей кухне и у себя в ресторане готовь так, как тебе нравится, а в моем доме, будь добр, ешь то, что подают, и помалкивай! – назидательно парировала сеньора Пилар.

Эти споры, как я уже знала, велись каждый раз, когда Давид приходил в дом родителей друга. Кухня и для мамы Рауля, и для него была священным храмом, за владычество в котором они вечно соперничали, не важно, в чьем бы доме ни находились. Но велись эти споры не

всерьез, Давид любил сеньору Пилар как мать и был для нее, знавшей его с пеленок, вторым сыном.

Мы с Раулем, тихо посмеиваясь, замерли на пороге, наблюдая за «спектаклем». На плите стояла огромная плоская сковорода с готовящейся паэльей, над которой, споря, но при этом творя в четыре руки так дружно, словно давно слаженная команда, колдовали Давид и сеньора Пилар в одинаковых фартуках. За столом на высоком табурете восседала Лаура и со скучающим видом ела из глубокой пиалы оливки. Увидев нас, она улыбнулась и подошла поздороваться. Повара, увлеченные спором, даже не заметили нашего появления.

– Да погодите вы шафран сыпать! – громыхнул опять Давид, который никак не мог смириться с тем, что готовили не по его рецепту. – О-о-о, женщина! Послушайте мудрого мужчину, который этих блюд за свою жизнь уже столько приготовил!

– Давид, сынок, ты еще кашу за обе щеки наворачивал, когда я уже у плиты стояла! Будем считать, кто из нас больше блюд за свою жизнь приготовил?

– Так вы сами сказали, что готовите по одному рецепту тридцать лет, а я столько разных опробовал и нашел золотую середину!

– У-уйди от меня! – замахнулась на парня полотенцем сеньора Пилар. – Не лезь с советами, иначе я тебе эту паэлью на голову надену, клянусь!

Наблюдать за их перепалкой было смешно, потому что весовые категории казались несравнимыми: Давид был широк в плечах, как богатырь, сеньора же Пилар, невысокая и хрупкая, смотрелась Дюймовочкой рядом с ним. И угроза надеть огромную сковороду-паэлью на голову этому великану, исходящая от маленькой женщины, выглядела забавно. Но, однако, Давид в притворном ужасе поднял руки и картинно отошел от плиты.

– С вами, мама, спорить невозможно. Сдаюсь, но лишь из уважения к вам. Хотя скажу честно, что паэлья...

– Тс-с, ни слова больше! – перебила хозяйка и легонько хлопнула Давида полотенцем по руке. – Вон возьми миску с хлебом и отнеси на стол. Пора накрывать, скоро придут... А, вы уже здесь?! И почему молчите?

– Наслаждаемся вашим спором, – усмехнулся Рауль. Подошел к матери и расцеловался с нею в обе щеки. Порция объятий и поцелуев досталась и мне, после чего сеньора Пилар, отойдя назад, критическим взглядом окинула сына:

– Господи, Рауль... Хоть бы в свой день рождения оделся нормально, а не в старье! Если у тебя нет денег на новые джинсы, мы с отцом тебе дадим. Выкинь ты уже наконец эти изношенные!

– Да они новые! – возмутился Рауль, хватаясь руками за бедра, будто опасаясь того, что мать стащит с него неугодные ей брюки и выбросит. Мы с Лаурой, переглянувшись, прыснули со смеху, зная, что это еще один из семейных споров, причиной которого было недовольство сеньоры Пилар стилем одежды сына. Джинсы на Рауле были недавно купленные, классической модели, темно-синие. Но недовольство матери спровоцировали светлые потертости на штанинах.

– Да какие ж они новые! – ткнула сеньора Пилар в них пальцем.

– Мама, это мода такая, сколько можно объяснять! – вступилась за брата Лаура.

Я, глянув через плечо свекрови, увидела, что Давид, воспользовавшись тем, что у плиты его оставили одного, торопливо, оглядываясь на хозяйку, толчет в ступке чеснок и добавляет его в миску к остаткам перетертых помидоров. Я поспешно отвернулась, чтобы смехом не выдать парня.

– Да что это за мода такая, что любые его штаны выглядят изношенней моих – времен Франко, в которых я огород пропалываю! И не стыдится ведь выходить на публику в драных джинсах! Клянусь, сын, увижу тебя еще раз на сцене в рванье, за ухо отведу в приличный магазин и одену так, как надо!

– И будет бедный Рауль выступать в костюме-тройке и в «бабочке», как оперный певец, – засмеялась Лаура.

Сеньора Пилар не успела ей ответить, потому что в этот момент увидела, как Давид выливает томат с чесноком в сковороду, и, не потерпев таких изменений в своем рецепте, возмущенно закричала:

– А ты что, паразит, делаешь?! Сказала же тебе отнести хлеб на стол! О-о, эти дети меня сведут с ума! А ну марш все с кухни! Погодите, куда же вы? Тарелки хотя бы захватите! Давид, к тебе относится! Брысь от плиты и бери тарелки. Рауль, возьми блюдо с хлебом. Лаура, ты достань из холодильника напитки, Анна – салат.

Раздав всем указания, сеньора Пилар устало вытерла лоб. Мы, посмеиваясь, выполнили ее распоряжения и, нагруженные тарелками и блюдами, двинулись с кухни. Но в коридоре столкнулись с отцом Лауры и Рауля, который вышел к нам со стороны террасы, неся в каждой руке по запыхавшейся бутылке с вином. Судя по всему, он вернулся из винного погребка.

– А, слышу уже, слышу, что все в сборе, – тепло улыбнулся сеньор Андрес, кивая нам, так как его руки были заняты. – Что, мать уже подключила к работе?

– Угу, а до этого, вместо поздравлений, раскритиковала мои джинсы.

– А чем они ей не угодили? – недоуменно спросил отец, окидывая сына взглядом.

– Вот и я не понимаю, – ответил Рауль. – Вроде на этот раз целые, без прорех.

– Ну, у нашей матери вкусы... излишне консервативные, – осторожно заметил сеньор Андрес, и с кухни тут же раздалось:

– Я все слышу! Андрес, где вино? Мы его в этом году дождемся или нет?

Мужчины понимающе переглянулись и усмехнулись. Можно было подумать, что всем в семье управляет сеньора Пилар, но на самом деле «командование» на себя она брала лишь в те дни, когда в ее доме случались застолья. Она неизменно хотела, чтобы все вышло на высшем уровне, и к каждому семейному обеду готовилась так, словно это был торжественный прием. Но лиши ее этих хлопот, и ее жизнь утратила бы часть радости: сеньора Пилар любила готовить и собирать у себя гостей. Особенно сейчас, когда ее дети выросли и покинули родительский дом.

Время за вкусным обедом, шутками, разговорами, рассматриванием подарков летело со скоростью птицы. Как жаль! Этим днем я наслаждалась не меньше, чем любой из присутствующих. Эта семья была дружна и сплоченна. Родители свою любовь пронесли через всю жизнь, смогли не расплескать ее, и я, любуясь ими, их отношениями, желала, чтобы и мы с Раулем жили так же – в любви и согласии долго-долго.

Глядя на свекра, я в очередной раз подумала о том, что сын – его копия. Высокий рост (хотя Рауль все же был выше отца почти на голову), похожее сложение, чеканный профиль, светло-зеленые глаза. В молодости сеньор Андрес был настоящим красавцем, но и сейчас, будучи уже в возрасте, сохранял следы былой привлекательности. Седина в густых волосах, бывших когда-то иссиня-черными, придавала его облику благородности, цвет глаз не утратил яркости. Лаура же пошла в мать: невысокая, хрупкая, темноглазая, с нежными чертами лица. Я перевела взгляд на подругу и заметила, что она в очередной раз зевнула. То ли беременность на нее так действовала, то ли просто не выспалась. Перехватив мой взгляд, Лаура смутилась и пояснила:

– Спала плохо. Какие-то кошмары снились.

– Ага, ворочалась, стонала и один раз даже закричала, – подтвердил Давид.

– Да что ж тебе такое снилось? – встревожилась тут же сеньора Пилар, которая любые происшествия со своими детьми принимала слишком близко к сердцу.

– Да вроде и ничего страшного, какая-то танцующая девушка... Но почему-то было жутко.

– В красном платье, с розой, босая? – машинально ляпнула я.

Лаура подавила новый зевок и удивленно посмотрела на меня:

– Да. А откуда ты знаешь?

Выкручиваться мне не пришлось, так как меня опередил сеньор Андрес вопросом к Раулю о гастролях.

– Меньше двух недель осталось до начала, – ответил тот. – Начинаем с Барселоны, затем едем в Мадрид, Малагу... Или Сеговию, а потом Малагу? Не помню.

– А в Галисию? – живо спросил сеньор Андрес, предки которого были из тех мест. На галисийское происхождение указывала и фамилия, одноименная с крупным городом – Оренсе.

– Пока не знаю. Ждем подтверждения или, наоборот, отказа.

Беседа живо завертелась вокруг предстоящих концертов, а мне вспомнился тот день, когда родители узнали о решении Рауля целиком посвятить себя музыке. Им нравилось его увлечение, они гордились сыном, бывали на выступлениях на местных праздниках. Но когда Рауль заявил, что оставляет работу в госпитале ради неровной жизни профессии музыканта, за столом повисло напряженное молчание. Поступок этот в то время, когда в стране царит безработица, понять и принять было непросто. И вот опять разговор вернулся к этой теме – уход Рауля из госпиталья.

– Мне очень жаль, что ты так поступил, – вздохнула сеньора Пилар, собирая со стола грязные тарелки. – Университет, восемь лет работы, хорошее место – и все это оставлено ради музыки.

– Мама, медицинский диплом у меня никто не отнимает, а упускать шанс я не собираюсь, – терпеливо повторил Рауль.

Группа существовала давно, но ее деятельность долго ограничивалась выступлениями на местных праздниках и фестивалях, хоть ребята и не теряли надежды когда-нибудь пробиться на большую сцену. Удача им улыбнулась, когда в прошлом году они выиграли в одном конкурсе возможность записать диск в студии, а затем познакомилась с Хосе Мануэлем – менеджером, приведшим к успеху не один музыкальный проект.

– Мог бы совмещать музыку свою с работой, – проворчала сеньора Пилар.

– Как? – развел руками Рауль. – Я перепробовал всевозможные графики, работал и в ночные смены, и по выходным. И если раньше еще можно было совмещать, то сейчас никак!

Период с зимы и до лета прошел в записи диска: много чего меняли, добавляли, пере-записывали. Рауль даже какие-то ночи проводил в студии, как и остальные музыканты, ради того, чтобы результатом остались довольны. Весной выпустили сингл, который принес первый успех, и сняли на него клип. Летом группа выступала на фестивалях и различных праздниках вместе с другими артистами и завоевывала популярность. Недавно вышел диск, и работа завертелась новым водоворотом: активное продвижение, подготовка к туру, репетиции. За кажущимся легким успехом и везением на самом деле стояла большая работа. Я почти не видела мужа дома, но приняла эту жизнь, понимая, что по-другому быть не может. Это будет не Рауль – без музыки. Но те свободные минуты, которые выпадали ему, он проводил со мной.

– Стоит ли все это таких усилий? – сощурилась мать. Лаура взяла из ее рук тарелки и отнесла на кухню. Я тоже поднялась, чтобы помочь. – Этот мир такой нестабильный! Ты сам рассказывал, как то одни музыканты, то другие, уже сделавшие себе имя, ищут средства на запись, прося помощи даже у поклонников. Уверен ли ты, что и дальше у тебя все пойдет гладко? Не потеряешь ли надежду, профессию? Жену, наконец? Ты уверен в том, что все у тебя будет хорошо?

Повисла напряженная пауза, в которую и родители, и вернувшаяся с кухни сестра смотрели на Рауля, ожидая ответа. В глазах матери читалась тревога, отец глядел с прищуром, будто проверял сына на твердость его убеждений, Лаура смотрела на брата с надеждой на положительный ответ. Давид – выражая поддержку. А я... Я просто обняла мужа, давая тем самым понять, что не сомневаюсь в нем и буду с ним в любой ситуации.

– Нет, – честно сказал Рауль, глядя родителям в глаза. – Я не уверен ни в том, что все и дальше пойдет хорошо, ни в том, что мои надежды не окажутся обманчивыми. Я могу лишь рассчитывать на собственные силы и на вашу поддержку. Это большой риск, и я об этом знаю, так же как и Анна. Я рассказал ей о своих сомнениях, обрисовывал ситуацию далеко не в радужных тонах, но она поддержала меня.

– Ох, – только и вздохнула сеньора Пилар, затем собрала со стола грязные стаканы и отправилась с ними на кухню.

– Я не буду с тобой спорить, – сказал, обращаясь к Раулю, сеньор Андрес. – Ты уже все решил. Если это твое – вперед. Но не забывай, что исполнить мечту жизни – это, конечно, важно, но куда важнее удержаться и не утратить желания следовать этой дорогой, не растерять радость из-за препятствий, сложностей, разочарований. Исполненная мечта – это еще не пройденный путь. Это дверь, за которой ожидает отнюдь не рай, а дорога, короткая или длинная – зависит от тебя. Но всегда это дорога с множеством препятствий.

– Я согласен, папа.

– Ну что ж, пожелаю тебе еще не терять головы. И удачи, конечно.

– Спасибо.

– Пожелай ему лучше новые портки купить! – раздался с кухни голос сеньоры Пилар, которая, видимо, внимательно прислушивалась к окончанию разговора даже из кухни.

– Мама, тебя, похоже, куда больше расстраивает не то, что Рауль променял одну профессию на другую, а его манера одеваться, – сказала Лаура под дружный смех.

Мы пробыли в гостях у родителей до вечера и просидели бы за кофе, сладостями и разговорами еще дольше, если бы Раулю не нужно было ехать на репетицию.

* * *

Долорес... Она оправдала свое имя³, оставшись в его высохшей и растрескавшейся, как земля в засуху, душе вечной болью. Боль – вот что она сеяла вокруг. Почему родители не назвали ее Консуэло⁴ или Каридад⁵? Но, видимо, при ее рождении акушерке ассистировал сам дьявол, первым оставивший на челе новорожденной огненный поцелуй, и, предрекая будущее, нашептал это проклятое имя родительнице. И как же веселился тот же дьявол, надоумивший уже его родительницу наречь младенца Сальвадором⁶, зная, что именно этот «спаситель» в будущем толкнет в адово пламя ту, которая вместо любви и ласки станет нести всем боль.

Сальвадор вынырнул из паутины узких улочек на широкую, заполненную то и дело щелкающими затворами фотокамер туристами. Когда-то он любил людское скопление – искал его, привлекал к себе внимание, тешил свое тщеславие бравыми выкриками толпы. Теперь же предпочитал уединение, прятался в темных убежищах каменных лабиринтов, как улитка – в панцирь. Увидев на полпути уличного гитариста, он остановился. Музыка, вибрирующая в воздухе, отдалась горькими воспоминаниями. Если бы кто-то из туристов, проходящих без остановки мимо, бросил случайный взгляд на запрокинутое к небу лицо мужчины, подумал бы, что тот наслаждается музыкой: ресницы его чуть подрагивали, словно крылья бабочки, губы тронула легкая полуулыбка. И только бросив мимолетный взгляд на руки мужчины и увидев, как слегка шевелятся его пальцы, догадался бы, что на самом деле этот прохожий играл – мысленно – вместе с уличным музыкантом. Станный дуэт: музыкант, перебирающий струны гитары, и другой, с взволнованным выражением перебирающий свои воспоминания. Когда-то

³ Боль. (исп.).

⁴ Утешение (исп.).

⁵ Милосердие (исп.).

⁶ Спаситель (исп.).

у него был талант – играть так, чтобы музыка звучала не в воздухе, а в сердцах слушателей. Он чувствовал себя едва ли не богом, потому что мог повелевать эмоциями людей, вызывать то слезы, то улыбки, сеять печаль в душах и лечить ее расцветающей от звучания его гитары любовью. Из-за молодости он и правда без лишней скромности причислял себя к касте святых. Какая ирония! Вспомнив об этом, Сальвадор усмехнулся. Бросив монету уличному музыканту, он отправился дальше, но хоть и отдалялся от собора, на углу которого встретил гитариста, все больше запутывался в сети пробужденных музыкой воспоминаний.

1866 год

...Кочевник в душе, он и свою жизнь *тогда* превратил в странствие, взяв в проводники лишь ветер. Бродил, сменяя земли, в вечном поиске вдохновения, жадный до впечатлений, которые немедленно отражались в мелодиях, льющихся из-под его пальцев. Он не вел записок, как путешественник, а все пережитое, увиденное воплощал в музыку. Дорожная пыль настолько въелась в кожу его сапог, что не смывалась дождями. Загар сделал его лицо темным, как у араба. Разлетающийся плащ служил ему в непогоду защитой от ветра, ночью – покрывалом, а в зной оберегал от палящих лучей. В заплечном мешке лежала глиняная бутылка, после удачных дней наполненная вином, а обычно – водой, сверток с высушенным хлебом – запас на тот день, когда ему не удастся раздобыть еды, да тощий мешочек с монетами, которые он предпочитал не тратить, зарабатывая на еду и ночлег игрой. Вот и все, что Сальвадор взял с собой в долгое путешествие. Да еще главное сокровище – дедову гитару. Он был тогда полон авантюрного духа, амбициозен: шел завоевывать мир, как полководец. Хотя единственным его «войском» был талант, он не испытывал ни капли сомнения в том, что рано или поздно мир покорится ему. И судьба до определенного момента благоволила ему, щедро теша его самолюбие восхищением жителей встречающихся на пути пуэбло. Сердца женщин открывались ему подобно утренним розам, и Сальвадор, ничуть не задумываясь о дальнейших судьбах этих сорванных им цветов, снимал предутреннюю росу с раскрытых для него лепестков и с началом рассвета уходил, унося на коже чужой аромат. А к полудню имя отдавшейся ему женщины уже выветривалось из памяти. Его сердце оставалось не замаранным любовными волнениями, отданное лишь одной богине – музыке.

Название того южного пуэбло, послужившего началом отсчета его бесконечного пути, воплотилось в имя той, которая жила теперь в его душе болью. Он не собирался задерживаться в деревне надолго, лишь желал заработать игрой на местном празднике. Собирался уйти утром, не оставив в памяти ни единой зарубки о поселке, каких на его пути было бесчисленное множество. Так бы и случилось, если бы в тот час, когда солнце уже спускалось к земле, не появилась она. Толпа, окружавшая гитариста, легко расступилась, пропуская незнакомую девушку в середину, и та, даже не кивнув приветственно ради приличия музыканту, гордо вскинула голову и подняла руки. Ее танец в одно мгновение отбил у Сальвадора внимание публики: теперь она, эта девушка, своими движениями вызывала у зрителей любовь, слезы, радость, восхищение. И Сальвадор признал ее первенство, не в силах отвести от нее взгляда. Нежный овал лица, жгучие, как угли, глаза с прямыми ресницами-стрелами, угодившими прямо в его сердце, когда впервые скрестились их взгляды, яркий, словно цветок в ее темных кудрях, рот, румянец цвета заката на ее юной коже. Она была хороша так, что невозможно было не влюбиться в нее с первого взгляда. И он влюбился – вначале в ее руки, замороженный их движениями. Эта девушка обладала талантом рассказывать лишь взмахами и поворотами тонких кистей о чувствах – о любви и ненависти, о счастье и горе, о боли и наслаждении. И Сальвадор, внимательно следя за танцем незнакомки, подбирал музыку уже под ее движения. Она вела его, а не он ее.

Но еще не оборвалось в воздухе звучание последней ноты, как прекрасная байлаора⁷ уже исчезла. Ночь Сальвадор провел без сна, блуждая в толпе празднующих, но видя перед собой лишь один образ – гибкий стан, гордый подбородок, взлетающие птицей руки и изящные запястья, к которым до жжения в груди хотелось припасть поцелуем. Устав бродить, Сальвадор сел прямо на неостывшую к ночи землю, привалившись спиной к стволу старой оливы, и попытался «сыграть» танец той неизвестной девушки. Он перебирал струны, стараясь воспроизвести порхание ее кистей, постукивал по корпусу гитары, имитируя хлопки ее ладоней, и вновь «разбегался» по струнам пальцами, вспоминая, как взметнулись в повороте юбки платья, и... ничего у него не выходило. Впервые испытывая такое странное томление в груди, он не мог воплотить свои впечатления в музыку. Эта незнакомка опустошила его гитару, вытянув из нее все звуки, лишила его пальцы гибкости, оставив вдохновение в немой беспомощности. Он понял: он и она, его игра и ее танец теперь должны идти неразлучно. Его игра без ее движений будет сиротлива, как брошенный младенец. С трудом Сальвадор дожид до рассвета, не в силах избавиться от лихорадочного желания вновь увидеть эту девушку.

Она пришла на следующий день в тот же час. Вокруг них опять собралась толпа, подбадривающая и его, и танцовщицу восхищенными выкриками и аплодисментами. Его сердце колотилось в такт ее хлопкам и притоптываниям, его пальцы летали по струнам так, как порхали ее кисти, он даже расправил плечи и так же вскинул подбородок, невольно копируя ее движения. Но... Девушка опять исчезла, едва он сделал паузу. Сальвадор кинулся за ней, но незнакомка в ярком платье невероятным образом умудрилась раствориться в толпе. И опять он провел ночь без сна, разыскивая ее. Отбросив стеснение, расспрашивал о девушке всех встречаемых и с каждой новостью о ней погружался в темное и мрачное отчаяние: девушка, похитившая его музыку, никогда не станет его.

Она сама нашла его. Пришла на исходе ночи, в самый темный час перед рассветом. И его удивленное восклицание оборвала вдруг поцелуем. Без единого слова, только обжигая его ухо горячим дыханием, прекрасная байлаора и здесь взяла инициативу. В любви она оказалась не менее страстной, чем в танце.

– Как тебя зовут? – спросил Сальвадор, любуясь ее ровной стройной спиной, белеющей в темноте. Он знал ее имя, но желал услышать его из ее уст. Это стало бы первым словом, которое бы она сказала ему.

– Долорес, – тихо ответила девушка.

Боль. Он уже знал, что она станет его невыносимой, нескончаемой болью, которую он унесет в своем сердце, уйдя утром из поселка. И хоть сюда он больше не вернется, воспоминание о Долорес будет носить с собой всю жизнь.

Ей было семнадцать лет, и год назад ее отдали замуж за владельца местных земель Маноло Торреро Санчеса, который был старше ее едва ли не втрое. История этой девушки казалась и простой, как быль, и сказочно невероятной. Может быть, кто-то, услышав ее, поразился тому, как удачно сложилась судьба Долорес, единственной дочери вдовца-бедняка, живущего за оброк в одном из крошечных домов, принадлежащих семье Торреро Санчес, и обрабатывающего прилегающий к дому клочок земли. Кое-как справлялись: братья и отец-вдовец обрабатывали землю, девушка вела домашнее хозяйство. И жили бы они так, если бы два года подряд не случались неурожаи и долг владельцу земли не принял устрашающих размеров. Однажды в дом отца Долорес приехал сам хозяин и выдвинул ультиматум: либо они расплачиваются, либо через три дня убираются из дома и идут на все четыре стороны. Горе... Отец едва не слег больным, братья с мрачным видом принялись паковать домашнюю утварь, готовясь покинуть обжитое место. Но судьба решила разыграть неожиданную комбинацию, и за день до назначенного срока в дом опять пожаловал владелец с новым предложением. «Отдашь

⁷ Танцовщица фламенко (исп.).

мне ее, прощу долг», – ткнул он в хлопчущую по хозяйству шестнадцатилетнюю девушку. И, как ни плакала Долорес, как ни просила отца и братьев не отдавать ее в господский дом, сделка состоялась.

– Спаси меня, – вдруг сказала Долорес, резко оборачиваясь к Сальвадору. – Ты же мой Спаситель, верно? Ты же пришел за мной?..

Она знала его имя: видимо, так же, как и он о ней, спрашивала о нем.

– Спаси, или я умру. Тут! С ним, старым и нелюбимым! Возьми меня с собой... Возьми!

Она не просила – требовала. Глаза ее блестели не от слез, а от возбуждения в предвкушении свободы, жажды новых впечатлений и чувств.

– Мне нечего тебе предложить, – горько сказал Сальвадор. Он был нищий, она – жена местного богача.

– У тебя есть все, что мне нужно, даже больше, – ответила Долорес, словно прочитав его мысли. – Ты богаче моего мужа: ты владеешь миром, тогда как он – лишь этими клочками земли. Ты наполняешь сердца жизнью, а он умертвляет их.

Сальвадор медлил с ответом, понимая, что, если они уйдут вместе, его жизнь из свободного путешествия навстречу открытиям превратится в уход от погони, и отныне он будет не шагать по широким дорогам, а станет пробираться крадучись тайными тропами. И тяжелей всех нош станет ответственность за эту девушку. Готов ли он к такому в восемнадцать лет, когда юность и свобода будоражат кровь сильнее вина?

Но Долорес доверчиво прильнула к нему, и Сальвадор, чувствуя, как колотится ее сердце, решился.

Они ушли вместе, на рассвете, не скрываясь, свято веря в то, что возникшая любовь защитит их лучше темноты.

Они не задерживались нигде дольше, чем на несколько часов. В одном селении зарабатывали монеты, которые щедро бросала им публика. Долорес всегда танцевала босая, как ее бабка-цыганка, от которой она унаследовала свободолюбие и страсть к танцу. В другом поселении тратили заработанное на еду и мелкие подарки для девушки, в третьем оставались на ночлег, в четвертом предавались ненасытной страсти. И, казалось, не было никого счастливее их в мире...

2012 год

...Мужчина остановился посреди улицы и запрокинул лицо, будто рассматривая фасад одного из старинных зданий, а на самом деле с укором глядя на небо. Толпа разбивалась об него, как о маленький островок, и, огибая с обеих сторон, текла дальше бурным потоком, не подозревая об упреках и проклятиях, которые мужчина обращал к Небу. В какое-то мгновение лицо Сальвадора исказила судорога, и он с силой сжал челюсти, будто от сильной боли. Долорес...

* * *

Репетиции проходили в одном из павильонов, снятом в промышленной зоне неподалеку от Санрока. Еще тогда, когда о группе Рауля почти никто не слышал, несколько местных музыкальных команд, объединившись, сняли это помещение для репетиций, но со временем в нем осталась лишь группа «Стеклянный кот». И хоть Раулю ездить в эти края сейчас было далеко, музыканты решили не менять насиженное место.

Это была довольно маленькая комната, размером меньше гостиной в нашей квартире. Из-за усилителей, барабанной установки, проводов, змеящихся по полу, она казалась совсем тесной. Помимо инструментов и аппаратуры сюда вместили еще и старый холодильник с неисто-

щим запасом воды в бутылках и кока-колы, вывезенный из чьего-то дома протертый диван, вешалку для верхней одежды и складной столик, который, когда он не был нужен, убирали за диван. Условия более чем спартанские, но и использовалось это место лишь по назначению.

Все уже были в сборе и встретили нас обрадованными возгласами.

– Уже заждались! – крикнул, вставая с дивана, Чави. Его имидж за то время, что я его знала, не претерпел изменений. От природы парень обладал яркой внешностью: довольно симпатичный, с черными выразительными глазами и густыми бровями, смуглый, высокий и худой. Но Чави этого казалось мало, поэтому он еще носил длинные дреды, пирсинг в губе и брови, серьги-кольца в мочках ушей, а обе его руки от кистей до локтей украшали цветные татуировки. Одевался он в майки и клетчатые рубашки с закатанными рукавами, рваные джинсы и кеды. Последние, похоже, были страстью Чави: в каждую новую встречу я видела на парне другую пару. Но выглядела вся его обувь так, словно в ней прошли пешком от Испании до Сибири.

Еще одной такой «яркой птичкой», привлекающей к себе внимание манерой одеваться, был второй гитарист Даниэль. Он, наоборот, не обладал высоким ростом, был самым низким в группе, да еще казался двадцатилетним юнцом из-за ясных глаз, гладко выбритого лица и коротких курчавых волос. И, может, поэтому, чтобы не потеряться на фоне рослых и приметных друзей, носил штаны кричащих расцветок. Как у Чави страстью были кеды, так у Дани – цветные брюки: малиновые, желтые, оранжевые, зеленые – каждый раз другого цвета. «Фрики», – беззлобно отзывался о своих друзьях Рауль, который сам не далеко ушел от Чави в любви к джинсам с прорезами, так раздражающим сеньору Пилар.

Плотной комплекции клавишник Фернандо носил густую бородку и удлиненные волосы, которые делали бы его похожим на православного батюшку, если бы не одежда – джинсы и футболки, поверх которых Фер обязательно надевал кожаный жилет с цепями, словно металлист. Менее кричаще выглядел басист Серхио – в классических рубашках и прямого кроя темных брюках, но именно из-за этого и выделялся на фоне остальных. Новичок-барабанщик Хайме отдавал предпочтение светлым футболкам и джинсам, которые на время выступлений сменял на кожаные штаны.

Под обрадованные возгласы мы выгрузили на стол из двух сумок гостинцы, которыми нас щедро снабдила сеньора Пилар. И пир начался. Когда Рауль продемонстрировал всем подаренную ему гитару, я увидела, как глаза у Чави загорелись восхищенно-жадным огнем.

– Разрешить? – спросил он, протянув в нетерпении руку к инструменту. Рауль уступил, и Чави взял гитару так бережно, будто младенца. Сев на стул, он закинул одну ногу на другую и склонился к инструменту, словно прислушивался к нему. Посидев так с полминуты под выжидающими взглядами присутствующих, Чави тряхнул дредами и коснулся струн. Прислушался к звучанию и перебрал струны уже в затейливом пассаже.

– Это потрясающе, чувак! В ней будто живая душа скрыта, – пробормотал он.

Вечер так и шел: под угощение ребята непринужденно болтали, обсуждали какие-то планы, детали. Похоже, сегодня решили не репетировать, а просто отметить день рождения своего коллеги. Чави тихонько играл на гитаре Рауля и был так увлечен этим, что не замечал ничего вокруг.

– Будто с любимой женщиной на свидании, – пихнул в бок Даниэля Фернандо, указывая на гитариста, с блаженным выражением лица наигрывающего красивую грустную мелодию.

– Так у него сейчас любимая женщина гитара и есть, – хмыкнул тот, намекая на то, что Чави не так давно расстался со своей постоянной подругой Сарой. То ли девушка не выдержала того, что ее любимый больше времени проводил на репетициях и в студии, чем с ней, то ли просто устала ревновать Чави к многочисленным поклонницам, то ли любовь между ними и правда угасла. Парень по этому поводу не особо переживал: его полностью поглотила новая жизнь. А от недостатка женского внимания он никогда не страдал.

– Я все слышу! – поднял голову Чави. – Дани, поклонниц у меня больше, чем у вас у всех, вместе взятых. Не забывай!

Поспорить с этим было сложно, потому что Чави и в самом деле умудрился набрать в блоге рекордное по сравнению с другими членами группы количество виртуальных подруг. И его хвальба этим постоянно служила предметом для шуток.

– А все потому, что я сменил статус с «состоит в отношениях» на «свободен»! – продолжал Чави. – И девушки ко мне толпами повалили.

– В надежде, что ты на них женишься? – хмыкнул Фернандо, лениво отправляя в рот ломтик хамона.

– Дождешься! – фыркнул Чави. – Я не такой дурень, как Оренсе, – жениться, когда наша карьера так круто пошла в гору! Я ничего не имею против Анны, только если Раулю не придет в голову сменить статус в блоге на «женат». У группы с «холостым» имиджем продажи выше!

Я засмеялась. Обижаться на Чави было неблагоприятно, я знала, что ко мне он относится с симпатией.

– Продажа дисков не зависит от семейного положения членов группы, – заметил Рауль, на что его приятель снисходительно фыркнул:

– Наивный! Готов поспорить, что, если вы все поставите в блогах статус «женат», продажи резко упадут.

– Вряд ли, – хмыкнул Рауль. – Пока у нас есть ты, о падении популярности беспокоиться не стоит.

Чави горделиво приосанился и победным взглядом оглядел друзей.

– Если только, конечно, ты опять не будешь путать Мартину с Мариной, а Сандру с Сарой. А то так все продажи провалишь! – добавил тут же Рауль с усмешкой, припоминая недавний прокол Чави. В адрес бедного парня тут же посыпались шутки, но Рауль оборвал их, scomандовав: – Ну что? Репетировать!

Мы быстро убрали в холодильник остатки еды, а мусор сложили в пластиковый мешок. Еще всего каких-то пять минут назад звучали шутки и беззлобные подколки, казалось, до репетиции сегодня дело так и не дойдет. Но стоило музыкантам занять привычные места и прикоснуться к инструментам, как шутки ушли в сторону. Хайме, сев за установку и надев наушники, уже выбивал ритм. Даниэль, подключив гитару, тихонько, на пробу, наигрывал вступление одной из песен. За ним вступил Серхио. Фернандо прошелся пальцами по клавишам. И только Чави все еще возился со своей электрогитарой: что-то его не устраивало, он отсоединял и вновь подсоединял провода, крутил ручки настройки усилителя, пробовал звук и все больше и больше хмурился. Рауль, ожидавший, пока все будут готовы, обеспокоенно оглянулся на него: это было не в правилах Чави – медлить. Даниэль прекратил играть и собрался уж было прийти другу на помощь, но в этот момент Чави удовлетворенно хмыкнул.

Они начали с той песни, которая стала визитной карточкой группы и обязательно звучала на всех выступлениях. Я знала, что эту песню включили в альбом в последний момент, когда диск уже был практически готов. Написал ее Рауль в одну бессонную ночь в тяжелый для него период. И хоть он не собирался исполнять ее, потому что вызывала она у него неприятные воспоминания, продюсер и менеджер настояли на том, чтобы песня вошла в репертуар, и не прогадали: именно она и «выстрелила».

Когда ребята заканчивали исполнение, лампочки, освещающие помещение, вдруг замигали. Остаться в темноте без электричества – только этого не хватало! Все как один глянули на «моргающие» лампочки. И вдруг Чави вскрикнул и неожиданно отшвырнул от себя гитару.

– Вот дьявол! – вновь воскликнул он, растирая пальцы и морщась. Обеспокоенные друзья, оборвав игру, собрались вокруг него.

– Током ударило! – пожаловался Чави, переведя взгляд с вновь светившей без перебоев лампочки на гитару. – Не сильно, но приятно мало. Вот дьявол!

– Ты уверен? – засомневался Даниэль. – Ни разу не слышал о том, чтобы кого-то ударило током от гитары.

– Теперь не только слышал, но и видел, – огрызнулся Чави.

– Чтобы современная гитара ударила током, это еще умудриться надо, – заметил Фернандо. – Вероятность такая же, как попадание молнии.

– Ну, в кого-то и молния попадает, – заметил Рауль. – Хотя странно, Чави.

– Похоже, мне никто не верит, – рассердился парень. Фернандо опередил его, поднял гитару и внимательно осмотрел ее.

– Не разбилась? – встревоженно спросил Чави.

– Цела.

– Не в гитаре, похоже, дело, а в усилителе, – предположил Рауль и выдернул из розетки шнур. – Что-то у тебя с ним сразу не заладилось. И свет, видимо, едва не вырубился из-за него.

– Я проверял его сегодня, и он работал без проблем! – возразил Даниэль.

Чави тем временем подключил гитару ко второму усилителю и, убедившись, что инструмент не пострадал, с облегчением перевел дух.

Дальше репетиция прошла без подобных происшествий, но затянулась почти до ночи. Дома нас встретил голодным мяуканьем возмущенный долгим отсутствием хозяев Булка. Обычно паштет он выклянчивал у Рауля, зная, что тот по доброте душевной не пожалеет двойной порции, но сегодня выбрал меня: крутился возле ног, трогал лапой подол моей юбки, терся о туфли до тех пор, пока я не отправилась на кухню. Накормив кота, я вернулась в гостиную и увидела, что Рауль, вытащив подаренную ему гитару из чехла, внимательно ее рассматривает.

– Нам сказали, что изготовлена она малоизвестным мастером, но настоящим профессионалом в своем деле, – заметила я.

Рауль заглянул в резонаторное отверстие и прочитал:

– «Пабло Молина». Кажется, о нем я ничего не слышал. Но это не важно. Гитара отменная! Интересно, какая у нее была судьба, через сколько рук она прошла? Наверняка сменила не одного хозяина.

– Продавец сказал, что принес ее пожилой сеньор, и только. Не знаю, может, он и был единственным владельцем, – развела я руками.

Рауль провел пальцем по орнаменту, сделанному будто из тонкой стружки, убрал гитару в чехол и поднял на меня сияющие глаза, в которых я прочитала восхищение мальчишки, получившего на Новый год подарок-мечту.

– Значит, не ошиблись мы с Лаурой с подарком тебе? – счастливо улыбнулась я.

– Не то слово! – ответил он, кладя гитару на стол и крепко обнимая меня. – Не то слово...

... Я проснулась от звука, происхождение которого не сразу смогла разгадать. Он не был резок, наоборот, вошел в мой сон робким *pianissimo*, тронул мягко, не нарушив гармонии образов, впелся в них ненавязчивым узором. И лишь когда, постепенно нарастая, зазвучал *forte*, я проснулась.

В комнате было темно, как в ящике, из-за опущенных жалюзи. Рядом тихо дышал Рауль. Осторожно, чтобы не разбудить его, я повернулась на другой бок, и в этот момент вновь раздался тихий и вибрирующий звук. Я села на кровати и прислушалась: кажется, доносился он из кабинета. Разбудить Рауля или самой узнать, в чем дело? Живем мы на первом этаже, дверь гостиной выходит в маленький палисадник, в который при сильном желании можно проникнуть, однако металлические ставни на стеклянных дверях обеспечивают безопасность. Я решила не будить мужа, тихонько выскользнула в коридор, и в тот момент, когда взялась за ручку двери кабинета, звук вдруг оборвался так резко, словно лопнула струна. Я распахнула дверь и нажала клавишу выключателя.

Свет озарил пустую комнату. Но это обстоятельство не столько успокоило меня, сколько напугало. Холодок легким сквозняком пробежал от затылка к пояснице. Я сделала глубокий вдох и прошла к столу Рауля, на котором стоял его ноутбук и лежала раскрытая тетрадь с набросками текста новой песни. На моем столе тоже находился ноутбук, тетрадь и несколько словарей. Все как обычно. Но, однако же, звук доносился отсюда. Я огляделась и вдруг ощутила, как что-то мягкое коснулось моей лодыжки. От неожиданности я тихонько вскрикнула и с облегчением выдохнула, увидев Булку. Вот и объяснение «мистике»: мы просто случайно закрыли кота в кабинете и он задел лапой приставленную к стене гитару Рауля. Словно в подтверждение моих слов, Булка подошел к инструменту, но вдруг, посмотрев в сторону, издал утробное мяуканье. Я оглянулась и ничего не увидела. Пустая стена, если не считать висевшей на ней подаренной нами сегодня гитары в чехле.

– Булка, ты чего? – присела я рядом с котом и протянула к нему руки. Но Булка ужом выскользнул из моих ладоней и выскочил из комнаты. И что это было? Как понимать? Я тронула приставленный к стене инструмент за гриф и, повернув к себе «лицом», обнаружила лопнувшую струну. Надо же...

– Анна?

В дверном проеме показался Рауль. Он сощурился со сна, разглядывая меня, и поежился так, словно замерз.

– Ты почему не спишь? – спросил он.

– Меня разбудил Булка. Похоже, мы забыли его в кабинете, и он немного набедокурил...

Я продемонстрировала гитару с порванной струной.

– Ничего страшного. Заменяю, – сказал муж, мельком оглядев инструмент и вернув его на место. – Пойдем в кровать? Тут как-то холодно. И пахнет странно, – добавил он, втянув ноздрями воздух.

Я только сейчас обратила внимание на то, что в кабинете и правда витает незнакомый запах: цветочно-пряный, который мог бы показаться в зависимости от обстоятельств то приятным, то слишком навязчивым.

– Пойдем, – потянул меня легонько за руку Рауль. – Завтра вставать рано. Первый день съемок.

Выходя из кабинета, я повернулась, чтобы выключить свет, и вдруг увидела отразившийся в черном окне силуэт, будто кто-то стоял в коридоре и наблюдал за нами. Женский или мужской – не смогла бы сказать. Я тихонько охнула.

– Что? – всполошился Рауль, оглянувшись тоже, как и я, на окно. Но на этот раз никто в нем не отразился.

– Ничего, – отговорила я. – Пошли спать.

III

Место, которое я облюбовала, мне показалось отличным по всем параметрам. Под низко-рослой сосной с широкой кроной я обнаружила огромный плоский валун и забралась на него с ногами. Отсюда открывался прекрасный вид на пляж: можно было видеть все, что происходило внизу, но при этом оставаться в уединении. Я могла бы спуститься ко всем, но решила задержаться тут, словно желая отдать дань святому для меня месту. Этот маленький пляж, затерявшийся меж двух скал, о котором не знают туристы, стал отправной точкой моей новой жизни.

Солнце в столь ранний час еще неторопливо поднималось из прохладной перины моря, а внизу уже вовсю кипела жизнь: выбирались ракурсы, проводились какие-то расчеты, устанавливалась аппаратура, разматывались шнуры, обсуждались последние детали. По белому и мелкому, словно мука, песку змеились клубки проводов. Громоздкие колонки, камеры и осветительные приборы напоминали десант завоевателей, вторгшихся в безмятежный мир и нарушивших его спокойствие и гармонию. Глядя, как этот дикий рай, в который год назад впервые привез меня Рауль, оборудуют под съемочную площадку, я испытала грусть. Так бывает, когда личное сокровище вдруг превращается в общее достояние, с которого чужие руки варварски стирают следы твоих трепетных касаний.

Сценарий клипа на новый сингл частично основывался на истории нашего с Раулем знакомства. По сюжету героиня приходит в ночной клуб и впервые видит героя на сцене, а затем уже между ними завязываются романтические отношения. Вчера снимали эпизоды с массовой на площадке, сегодня – на природе. В первый день я не могла присутствовать на съемках из-за срочного и объемного перевода, но сегодня была свободна.

Рауль рассказывал, что героиню для клипа выбирали долго, проводили кастинги среди моделей и отобрали несколько девушек. Но тут по телевизору он увидел одну из серий популярного сериала, в котором главную роль исполняла известная актриса. В тот же вечер, не рассчитывая на удачу, Рауль написал девушке сообщение. Актриса ответила, более того, выяснилось, что ей нравится музыка группы и она видела их первый, крутившийся по ТВ-каналам, клип. На следующий день связались с менеджером девушки, и на съемки утвердили ее. Сегодня в эпизодах были задействованы лишь Рауль и актриса, но приехали все члены группы, и сейчас ребята сидели компанией на берегу, наблюдая за подготовкой и тихонько между собой переговариваясь. Чави, уединившись ото всех, бродил по кромке воды, закатав джинсы, и периодически бросал взгляды в сторону актрисы, которой стилист наносила макияж. Девушка совершенно не замечала взглядов Чави, и я мысленно посочувствовала парню, хоть его потуги завладеть вниманием актрисы в своей неприкрытой откровенности и казались забавными. Рауль, одетый в джинсы и накинутую поверх футболки куртку, в это время что-то обсуждал с режиссером. Последний говорил, указывая рукой то в сторону подернутого рябью и совершенно не вызывающего желания окунуться моря, то в сторону скалы. В какой-то момент, будто почувствовав, что я на него смотрю, Рауль оглянулся на меня и сделал приглашающий жест. Я махнула в ответ и решила присоединиться ко всем. Когда я спускалась по склону, у меня возникло неприятное ощущение, показалось, будто что-то обожгло спину, словно под одежду мне сунули лист крапивы. Я непроизвольно передернула плечами, словно желая вытряхнуть его из-под куртки. Ощущение пропало, но едва я сделала шаг вперед, как оно тут же вернулось. Я коснулась спины тыльной стороной ладони и оглянулась.

Позади меня, неподалеку от того места, где сидела я, только чуть выше, стоял мужчина в куртке и надвинутой на глаза бейсболке. Сунув руки в карманы, он, как и недавно я, смотрел на то, что происходило внизу. И вдруг чуть повернул голову в мою сторону, и мне показалось, что наши взгляды скрестились, хоть я и не могла разглядеть лица незнакомца из-за скрывавшей его тени от козырька бейсболки. Ощущение, будто мне на лицо налипла паутина, заставило

меня провести ладонью по щеке. Мужчина едва заметно кивнул, словно приветствуя меня, и, развернувшись, направился к дороге. Мгновение, и он уже скрылся за припаркованными на небольшом пятачке фургонами съемочной группы.

– Анна! – окликнул меня Рауль, когда я спустилась. Рядом с ним уже находилась актриса. И, как только я приблизилась к ним, он мне ее представил:

– Познакомься, это Эстер. А это Анна...

– Рауль рассказал вашу историю знакомства, – сказала девушка. – Ничего красивей и романтичней я не слышала.

В ее голосе восхищение смешалось с легкой грустью, будто она сожалела о том, что в ее жизни не случалось романтических историй. Может ли такое быть? Я с недоверием посмотрела на нее. У нее был тот тип лица, который широко востребован модельными агентствами: высокие скулы, тонкий нос, пухлые губы. Она была испанкой, но, если бы я не знала этого, подумала бы, что Эстер принадлежит к северным народам: светлокожая, с большими серо-голубыми глазами, с прямыми густыми волосами цвета зрелой пшеницы. Она была выше меня ростом и более хрупкого сложения. Красивая и успешная девушка, вокруг которой наверняка выются многочисленные поклонники. Так откуда тогда эта грусть в ее голосе?

– Как себя чувствуешь? – обратился Рауль к Эстер. Вчера он рассказал мне, что на съемках было так душно, что в какой-то момент актрисе стало плохо.

– Хорошо, спасибо, – улыбнулась девушка. Она уже переоделась для съемок и теперь ежилась от холода в коротеньком пляжном платье, переступая босыми, открытыми почти до самых бедер ногами. Не спасал ее от холода даже накинутый поверх платья шерстяной кардиган. В какой-то момент она, услышав всплеск набежавшей на берег волны, с опаской бросила взгляд на неприветливое море и передернула плечами:

– Надеюсь, нас не заставят искупаться. Холодно как!

– Если бы не протянули до октября, а сняли клип, как и планировали, в начале сентября, то заставили бы, – сказал Рауль. – Боюсь, мы с Эстер будем не столько страсть изображать, сколько пытаться согреться. Надо, видимо, попросить режиссера изменить сценарий и заменить объятия на ветру на пробежку туда-сюда по берегу.

Мы с Эстер засмеялись. И в это время дали команду начинать.

На съемки этих эпизодов ушло все утро. Беспощадный режиссер, словно не замечая ни поднявшегося ветра, ни того, что несчастные актеры уже изрядно продрогли, заставлял Рауля с Эстер то обниматься, стоя по щиколотку в холодной воде, то бегать по кромке прибоя, поднимая брызги, то лежать на песке. И кому было хуже – актрисе в мокром платье или обнаженному по пояс Раулю в намокших джинсах, – сложно сказать. Ребята из группы, наблюдавшие за съемками, поначалу подбадривали друга и его напарницу веселым свистом и комментариями, а под конец сочувственно замолчали. Романтично обниматься на песке под палящими лучами солнца, но не вымокшими и на ветру.

– Эй! – не выдержал Чави, услышав, как пару в очередной раз попросили зайти в море. И, вскочив, крикнул режиссеру: – У нас гастрольный тур скоро! Если Рауль с ангиной или пневмонией свалится, петь за него ты будешь, клянусь!

Наконец с этим эпизодом было покончено, объявили о перерыве, который предназначался не столько для отдыха, сколько для подготовки к съемкам последней сцены. Продрогшая Эстер торопливо закуталась в поданное ей полотенце и бегом направилась к фургону – переодеться. Рауль, закатав выше колен штанины мокрых джинсов, смывал под струей пляжного душа песок и, похоже, уже не замечал падающих ему на голую спину холодных капель.

– Как, теплая водичка? – пошутила я, подходя к нему с полотенцем в руках.

Вместо ответа он брызнул в меня водой. Ледяные капли попали на оголенную кожу руки, заставив меня взвизгнуть от неожиданности:

– Сумасшедший!

А Рауль уже схватил меня за запястье и легонько дернул на себя, делая вид, что пытается затаскать под душ. И когда я испуганно выдернула руку и отскочила, засмеялся.

– Мне кажется, я уже настолько замерз, что потерял чувствительность, – признался он, торопливо кутаясь в полотенце. – Спасибо, что не в декабре жаркое лето заставили изображать. Брррр...

– Беги одевайся! – скомандовала я, видя, как он приплясывает на месте, чтобы согреться. – Там кто-то снарядился за кофе, я заказала и для тебя.

– Вот спасибо! – с чувством поблагодарил он и бегом направился к фургону, из которого уже вышла переодетая в джинсы и футболку Эстер. Согреться она так и не смогла, поэтому куталась в раздобытое где-то одеяло. К девушке сразу направился Чави, который протянул ей завернутый в фольгу бутерброд. Эстер с улыбкой поблагодарила, и парень, приободренный ее благодарностью, собрался уже было завязать разговор, но к актрисе подошел режиссер и принялся что-то объяснять, показывая руками в сторону дороги.

– Анна!

Я оглянулась и увидела, что ко мне направляется переодетый в сухую одежду Рауль. В руках у него были пластиковые стаканчики с кофе, а из карманов куртки торчали завернутые в фольгу бутерброды.

– Держи!

Я взяла один стаканчик и вытащила из кармана бутерброд. Отыскав большой валун, мы уединились ото всех и, глядя с этого места на пляж, принялись за еду. Молча, «разговаривая» лишь одними взглядами и понимающими улыбками: это место вызывало одинаковые воспоминания у обоих.

Последнюю сцену снимали неподалеку от пляжа, на шоссе. Для того чтобы перекрыть участок дороги, пусть и не очень оживленной – на самом деле машины по ней ездили крайне редко, – получили специальное разрешение. Но все хлопоты того стоили: вид с этого места открывался изумительный. Внизу пенилось, разбиваясь о скалы, море. Подсвеченное солнцем, оно создавало иллюзию вернувшегося лета. А упитанные чайки, с криком носившиеся над прибоем и рассевшиеся на камнях в маленьких бухтах, добавляли живописности картине.

Эстер уже находилась возле начерченной на асфальте мелом отметки. Компанию девушке составлял Чави, облокотившийся на свой отмытый от дорожной пыли, блестящий на солнце красной лакировкой спортивный байк. Наконец-то парень получил возможность поговорить с девушкой и, похоже, делал шаги к успеху: Эстер, слушая его, дважды улыбнулась. Но их беседу прервали командой начинать съемки. Рауль подошел к другу и оседлал его мотоцикл.

– Удачи! – пожелала я мужу, вспоминая о том, как мы прошлым летом мчались на его байке навстречу звездной ночи, которая открывала нам свои объятия, благословляла лунным светом и теплым ветром. Возможно, Рауль подумал о том же, потому что, сев на мотоцикл, оглянулся на меня и подмигнул.

Пару снимали то с одного ракурса, то с другого, то просили разогнаться и пронестись мимо едущей рядом машины с камерами и осветительной техникой, то, наоборот, притормозить.

– Оренсе, давай я тебя сменю? – крикнул перед очередным дублем стоявший рядом со мной Чави. За съемками он наблюдал с напряжением, видимо, жалея о том, что это не его обнимает за талию красивая девушка, не к его спине прижимается на проносящемся по участку дороги дубль за дублем мотоцикле.

– Эстер, не откажешь потом вот так разочек прокатиться со мной? А то и до отеля довезу в целости и сохранности! – подтвердил он мои догадки и щелкнул телефоном, делая снимок. Девушка ответила Чави легкой улыбкой, не говорящей ни «да», ни «нет».

– Ну почему одним все – красотки и главные роли, а другим ничего? – воскликнул в сердцах парень, не в силах смириться с «несправедливостью».

– А что ж ты не рвался заменить меня во время купания в холодном море, э? – весело отозвался Рауль, удерживая задорно пофыркивающий мотоцикл.

– Да я бы с радостью! Но мои плавки кастинг не прошли.

– Или ты в плавках, – хмыкнул Фернандо, за что тут же получил от Чави шуточный тычок в бок. Рауль засмеялся. Эстер обняла его за талию, взревел мотор, мотоцикл рванул с места и понесся по дороге мимо машины со съемочной группой.

Приближаясь к отметке, где должен был остановиться, Рауль стал сбрасывать скорость, и в этот момент Эстер вдруг пронзительно завизжала и резко отклонилась вправо. Я испуганно вскрикнула, Чави выругался. Рауль попытался удержать мотоцикл, но с пассажиркой за спиной это оказалось непросто. Мгновение – и байк опрокинулся. Я и все, кто стоял рядом, одновременно рванули к месту происшествия. С кузова остановившейся машины прыгнули двое мужчин и тоже бросились на помощь. Кто-то из присутствующих подбежал к упавшей девушке. Кто-то, обогнав меня, – к Раулю. Я с бьющимся у горла сердцем, расталкивая всех, бросилась к мужу.

– Я в порядке! – пробормотал он, увидев меня. Я присела рядом с ним и порывисто обняла. Рауль торопливо поцеловал меня в щеку и обеспокоенно огляделся:

– Где Эстер?

– Здесь! – крикнул кто-то.

Оглянувшись, мы увидели, что Чави пробирается к девушке сквозь столпившихся вокруг нее людей. Я тихо охнула, подумав, что она пострадала, но когда толпа расступилась, мы увидели, что Эстер сидит на поросшей травой обочине – живая и, похоже, невредимая, но сильно напуганная. Ей наперебой задавали вопросы, но она отвечала лишь рассеянными кивками.

– Эстер, ты как?! – крикнул Рауль.

Девушка непонимающе глянула на нас, опять машинально кивнула и вдруг зарыдала. Кто-то помог ей подняться. Окружив Эстер, ее повели к фургону. А Чави растерянно остался стоять на месте, неприкаянный, испуганный, обиженный тем, что его так легко вытеснили из окружения актрисы. Увидев, что она идет сама, без посторонней помощи, мы облегченно вздохнули. Я встала, приняв поданную мне ассистентом режиссера руку, Рауль поднялся самостоятельно. Режиссер объявил о небольшом перерыве, чтобы дать всем прийти в себя, и направился вместе с другими членами съемочной группы к машине.

– Что с тобой? – обеспокоилась я, заметив, что Рауль вдруг поморщился.

– Ничего, – ответил он. Беззаботность, прозвучавшая в его голосе, была слишком наигранной, она не успокоила меня, а, наоборот, встревожила еще больше.

К нам, стоявшим в окружении ребят из группы, подошел Чави, везя поднятый мотоцикл, и Рауль обратился к другу:

– Прости, старик. Попытался удержать его... Повредил?

– Небольшая вмятина, но исправить можно. Сам как?

– В порядке. Что с Эстер?

– Напугана, но, похоже, даже царапин нет. За мягкую посадку в траву она должна быть тебе благодарна.

– Благодарности были бы уместны, если бы мы не упали.

– Счастье, что машина ехала по другой полосе и скорость мотоцикла была невысокая. Что на Эстер нашло? – спросил Фернандо.

– А я откуда знаю? – буркнул Рауль. – Неожиданно закричала и резко дернулась в сторону.

– Придет в себя – расспрошу, – твердо заявил Чави, решив, видимо, использовать это происшествие с пользой для себя.

Мы направились к фургону.

– Ты повредил ногу? – встревожилась я, заметив, что Рауль прихрамывает.

Он отрицательно мотнул головой, но при этом положил мне руку на плечи – вроде бы и чтобы обнять, но вместе с тем будто нуждаясь в опоре.

– Рауль, меня-то не обманывай.

– Подвернул, когда падал, – нехотя признался он. Шли мы медленно и быстро отстали от всех.

– И почему не сказал об этом, когда тебя спрашивали, все ли в порядке?

– Надо закончить съемки, Анна. Мы сильно ограничены во времени: разрешение удалось получить лишь до определенного часа.

– Но...

– Посижу немного, и все пройдет. Не волнуйся.

Добавить что-либо я не успела, потому что в тот момент, когда мы подходили к фургону, от группы стоявших людей отделилась Эстер и бросилась нам навстречу:

– Рауль? Ты как?

На ее бледном лице со следами размазавшейся туши был написан испуг пополам с виной.

– В порядке.

– Ты хромаешь! – нервно воскликнула она, переводя взгляд с его лица на ноги и обратно. В ее глазах заплескалась паника. Эстер сложила ладони перед грудью и виновато пробормотала:

– Прости! Я не...

– Все нормально, – перебил ее Рауль. – Почему ты закричала? Что случилось?

Девушка оглянулась на съемочную группу и затем, понизив голос, быстро сказала:

– Я увидела, что на дороге стоит женщина. Мне показалось, что ты ее не заметил, потому что ехал прямо на нее.

– Женщина? – удивился Рауль. – Не было никого на дороге.

– Она появилась внезапно. Возникла прямо перед мотоциклом. Ты мне не веришь? – жалобно спросила Эстер и, будто в поисках поддержки, посмотрела на меня. Рауль не успел ей ответить, потому что в этот момент к нам подошел Чави, и девушка быстро взяла себя в руки и улыбнулась парню самой беззаботной улыбкой.

Перерыв был недолгим. К счастью, дальше обошлось без происшествий. Сделали еще несколько дублей и наконец-то объявили о завершении съемок.

Уставшие, мы возвращались домой в полном молчании. Чтобы не отвлекать мужа от дороги, я смотрела в окно машины, наблюдая за мелькавшими за окнами пейзажами. Разнообразием они не баловали: Рауль для обратного пути выбрал платную скоростную трассу, а не национальную дорогу, ведущую через маленькие поселки. Тишину нарушало еле слышно играющее радио. Песни сменяли одна другую, словно листы перекидного календаря: какие-то вызвали у меня воспоминания, какие-то «проходили» мимо, как неинтересные дни. Один раз прозвучала та самая песня, на которую снимали сегодня клип. Рауль никак не прореагировал на нее, словно не услышал, меня же она вновь заставила прокрутить в голове сегодняшнее происшествие. Что хотела сказать Эстер? Что за женщину она увидела? И на самом ли деле существовала та незнакомка? Никто ведь больше не увидел постороннего человека на дороге, даже Рауль. Но если той женщины не было, что-то ведь напугало Эстер! Как жаль, что не удалось поговорить с ней. Впрочем, зачем? Разве что из любопытства.

Дома, пока Рауль выгружал вещи из сумки в стиральную машину и принимал душ, я разогрела в духовке замороженную пиццу и накрыла на стол. Поужинали мы торопливо, почти не разговаривая от усталости.

– Иди отдыхай. Я сама уберу со стола, – сказала я, заметив, что Рауль сонно трет ладонью глаза. У меня завтра планировался свободный день, если с утра не пришлют срочных переводов, день же мужа опять обещал быть насыщенным. Я собрала тарелки и отнесла их на кухню. Рауль вошел за мной следом: принес графин с водой и стаканы, затем что-то взял из холодильника и ушел.

Я сложила посуду в машину, приняла душ и, думая, что муж спит, тихонько вошла в спальню. Но он не спал, а сидел на кровати, приложив к ноге пакет со льдом.

– Покажи, – попросила я, присаживаясь рядом.

– Ничего серьезного, – пробормотал он, снимая пакет, но при этом торопливо натягивая на себя одеяло.

– Ну что ты как ребенок!

– Знаю я тебя, ты как мама – встревожишься, а ничего страшного нет!

– Я уже вижу, что «ничего страшного»... – нахмурилась я, легонько касаясь его опухшей лодыжки. – Больно? И как ты только терпел?.. Надо было заехать по дороге в госпиталь, как я тебе и говорила. Почему ты меня не послушал?

– Мне хотелось поскорей попасть домой, Анна.

– Но...

– Завтра, все завтра, – отговорился он этим звучащим по-испански волшебным словом «тапапа»⁸. – Давай отдыхать.

Я отнесла лед обратно в морозильник, а когда вернулась, муж уже спал.

Он сразу понял, что этот инструмент – особенный. Ему не нужно было видеть гитару, чтобы почувствовать, что у нее есть душа. Не та, которую вкладывает в нее музыкант, когда через игру передает свои чувства и настроения, а собственная. Франсиско ласково погладил гитару по отполированному боку и с радостью ощутил тепло, исходящее от дерева. Она. Та, которую он так долго искал, перебирая один инструмент за другим, прикладывая к их корпусам заменяющие ему зрение ладони и прислушиваясь к собственным ощущениям. Он не искал идеальный инструмент, он искал свой, тот, который бы почувствовали его «зрячие» ладони, тот, прикосновение к которому откликнулось бы музыкой в его душе. Его пальцы слепого находили мельчайшие изъяны, невидимые зрячим оком: скрытые вмятинки, царапинки толщиной не больше паутинки, малейшие шероховатости. Франсиско перебрал множество инструментов, но ни один из них не отозвался теплом, его ладони скользили по гладким и равнодушным к его ласкам поверхностям, замирали в изгибах, трогали струны в надежде разбудить душу инструмента, но каждый раз ему приходилось разочарованно откладывать гитару и продолжать поиски. А обиженные продавцы, предлагавшие ему лучшие инструменты, думали, что слепец сам не знает, чего хочет. И вот, уже почти отчаявшись, он нашел ее.

Она не была идеальной, наоборот, пальцы его нащупали много зазубринок на ее изумительных пропорциях теле – как у женщины с идеальными формами и чертами, но с усыпанной оспинами кожей. Но Франсиско простил бы ей любой изъян за то тепло, которым она отозвалась на его прикосновение: словно ответила согласием во взгляде желанная женщина. Франсиско торопливо, трясущимися от нетерпения руками вытащил из складок одеяния кожаный мешочек со своими сбережениями и бросил его на прилавок. Ну что он так медлит, этот продавец? Пересчитывает деньги? А что, если не хватит? Пальцы нервно забарабанили по стойке.

– Эта гитара не продается, – услышал Франсиско слова, которых не ожидал. Он уже продумывал в уме варианты, где раздобыть недостающую сумму, если хозяин запросит слишком высокую цену, но совершенно не был готов к такому отказу.

– Почему? – спросил музыкант.

– Эта гитара принадлежала моему сыну. Она мне дорога как память, – сказал продавец, и в голосе, треснувшим вдруг, как рассохшаяся древесина, Франсиско услышал не железные нотки уверенного отказа, а боль безутешного отца.

⁸ Завтра (исп.).

– Как его звали? – спросил слепой не столько из любопытства и сочувствия, сколько из-за нежелания расставаться с той идеальной напарницей, поиски которой оказались такими нелегкими. Он чувствовал себя как несчастный влюбленный, узнавший, что муза из его снов оказалась замужем. Его пальцы жадно вцепились в гриф, словно он боялся, что продавец силой отнимет у него инструмент.

– Алехандро.

– Сожалею, – выдавил Франсиско, делая над собой усилие, чтобы разжать пальцы.

– У меня есть другие отличные инструменты, даже гитара мастерской великого Торреса, если вы пожелаете...

– Нет, – качнул головой музыкант, нащупывая трость, чтобы уйти. Продавец, поняв его настроение, сунул ему в ладонь кожаный мешочек с деньгами. Франсиско машинально убрал его в карман и, уже сделав пару шагов по направлению к наполненной звуками улице, остановился и попросил:

– Можно я на ней сыграю? В память о вашем сыне?

– Да, – услышал он после паузы, в которую, видимо, продавец принимал нелегкое для него решение.

Франсиско сел на предложенный стул, тронул струны и удовлетворенно вздохнул. Он и гитара, будто родные души, опять встретившиеся в новой жизни, узнали друг друга.

Она отзывалась под его пальцами нежным звучанием, вызывающим воспоминание о прикосновениях материнских ладоней к младенцу, баюкала, как колыбельная песня. Счастье, тихое и уютно неяркое, будто огонь свечи, расцветало теплой улыбкой на губах Франсиско. А гитара дальше рассказывала ему историю своего прежнего владельца.

Его первые шаги... Спотыкания, падения, сопровождающиеся плачем. Но вот младенец, поднявшись на некрепкие ножки, сделал новый шаг, улыбнулся своей первой победе, и в музыке заплескалась радость.

Страстное фламенко, бурлящее, как молодая кровь, наполненная адреналином: первая любовь, метания юной души, лихорадочный ритм влюбленного сердца, бессонные ночи. Юная Кармета... Будто из памяти гитары всплыло имя прелестницы. Франсиско не мог ее видеть, не мог представить овал ее лица, яркость губ, но музыка «рисовала» ему ее портрет, тонами и полутонами рассказывая о чувствах к этой девушке несчастного Алехандро.

Первая ночь и первое расставание. Тихий плач, издаваемый гитарой, – плач тоскующего сердца, хранящего образ первой любви. Грусть, сочащаяся из-под пальцев мелодией, рвущей душу. Пауза, словно недоговоренность, повисшая в воздухе, как неугасшая надежда.

И вновь бешеный ритм – лихорадка, терзающая тело. Угасающие трели, как угасающая жизнь. Гитара в руках Франсиско рыдала, словно плакало безутешное материнское сердце. И из незрячих глаз музыканта тоже катились слезы, обжигаящие его обветренные щеки. Никогда ему еще не было так больно, как после этой истории, неожиданно поведенной ему инструментом.

Последний звук оборвался резко, словно лопнула струна – оборванная жизнь. Слепой молча положил гитару на стойку перед продавцом и пошел к выходу, ориентируясь в повисшей в помещении магазина тишине на звуки, доносившиеся с улицы.

– Постойте! – окликнули его в дверях. Франсиско неуверенно остановился.

– Возьмите ее. – Пальцы бедного продавца коснулись его рукава, а в ладонь ткнулся теплый еще от прикосновений гриф. – Возьмите просто так.

Пальцы музыканта жадно сомкнулись вокруг грифа, но тут же разжались:

– Нет. Не могу...

– Вы уже заплатили мне своей игрой. Я будто вновь прожил вместе с сыном его короткую жизнь. Я останусь с этими воспоминаниями, а не с инструментом, который в моем магазине чахнет без игры так же, как умирал мой сын. Я не хочу, чтобы эта гитара, хранящая

воспоминания, умерла, так больше никому и не рассказав его историю. Возьмите ее ради того, чтобы жила память об Алехандро, расскажите о моем замечательном мальчике всему миру. Пожалуйста!

И продавец, увидев, что Франсиско взял гитару, торопливо отошел, словно боялся, что слепец передумает...

Посреди ночи я вдруг открыла глаза с ощущением, что мне нужно вспомнить или найти что-то важное. Было ли дело во сне или в какой-то детали, которая, словно иголка в стоге сена, затерялась среди событий минувшего дня, – не знаю. Но чем настойчивее я пыталась заснуть, тем навязчивей становилось желание отыскать природу странного ощущения. Поняв, что, ворочаясь, лишь разбужу Рауля, я тихонько встала и вышла из спальни.

Я сделала круг по гостиной, чувствуя легкий озноб: к ночи температура падала и в квартире становилось ощутимо прохладно. Я налила себе чаю, накинула на плечи шаль и с чашкой села на диван. Разбуженный кот тут же с удобством расположился на моих коленях и, сладко зажмурившись, «захрумкал» от удовольствия. Меня же, несмотря на его уютное мурлыканье, не отпускало неприятное ощущение. Предчувствие чего-то нехорошего? Может быть. Мне почему-то было так не по себе, словно в мой дом пришел неприятный человек, от которого я не знала, чего ожидать. Я осторожно сняла Булку с колен, отнесла чашку на кухню, но не вернулась в спальню, а зашла в кабинет, включила ноутбук и осторожно сняла со стены подаренную мужу гитару. Гриф лег в ладонь как рукоять кинжала, холод струн показался мне враждебным, будто инструмент, как живое существо, не принимал меня. Я тряхнула головой, прогоняя наваждение, и усмехнулась: со снами у меня всегда были особые отношения, но я, возможно, перегибаю палку с верой в них. Додуматься же: сличать гитару настоящую с пришедшейся! Но все же, послушав не здравый смысл, а интуицию, я закрыла глаза и исследовала пальцами, будто слепой музыкант из моего сна, корпус гитары. Никаких зазубринок не нашла, как и не почувствовала тепла, исходящего от инструмента. Гитара в моих руках была не живой полена. Видимо, нужно быть музыкантом, чтобы почувствовать в деревянном инструменте душу. Как слепец из моего сна. Как Рауль. Как Чави. Одно я понимала: у такого старого инструмента обязательно должна быть история. Она-то меня и интересовала. Не снимая гитары с колен, я забила в поисковик имя мастера, но меня ожидало разочарование: сеньор, продавший нам инструмент, оказался прав, говоря, что Пабло Молина был малоизвестен. Вся информация, которую удалось найти о нем, уместилась в четверть страницы. Как грустно, что долгую и наверняка интересную жизнь можно уложить в короткий список из нескольких дат.

Я прочитала, что Пабло Молина родился в маленьком пуэбло неподалеку от Мурсии в 1803 году в семье столяра. Но спустя пять лет семья переехала в Севилью. Пабло был единственным в многодетной семье мальчиком, с детства помогал отцу в мастерской, так что столярному делу он обучился рано. Подростком увлекся игрой на гитаре и, может быть, стал бы неплохим музыкантом, если бы в один из дней, помогая отцу, не перерезал столярным инструментом сухожилие. Страсть к музыке трансформировалась в другую: Пабло покупал гитары, пробовал создавать собственные, но это дело долгое время оставалось увлечением, на жизнь он зарабатывал столярничеством. Будущий мастер рано женился, и жизнь его была вполне счастлива до того дня, когда от болезни умерли его жена и две дочери. После трагедии Пабло провел какой-то период в странствиях, во время которых обучался у различных мастеров искусству изготовления гитар. И уже будучи в преклонных годах, обосновался в небольшом пуэбло под Малагой, Молино Бланко, где открыл мастерскую и провел остаток жизни, отдавая душу и сердце гитарам.

Больше ничего мне не удалось найти, а хотелось узнать об инструментах, им изготовленных. Я даже искала статьи не только на русском и испанском языках, но и на английском и немецком. Увы... Я тронула пальцем одну струну. Звук оказался протяжным и тихим, словно

горький стон. Вздыхнув, я открыла чехол, чтобы убрать в него инструмент, но вдруг заметила что-то белеющее на дне. Бумага оказалась копией чека, оформленного со всей дотошностью – с указанием адресов продавца и покупателя. В графе «покупатель» стояло название магазина. Имя же продавца указано было лишь как J. Segura. X. Сегура. Уже что-то. Набрав в поисковике улицу, я распечатала карту на принтере. И уже после этого, убрав чек и распечатку в ящик стола, выключила компьютер и повесила чехол с гитарой на место.

IV

К утру нога у Рауля разболелась так, что он едва смог проделать путь от спальни до ванной и обратно. Съемки завершились, но и этот день у него должен был быть насыщенным: встреча с менеджером в агентстве, занимающемся предстоящими гастролями, обсуждение каких-то вопросов в звукозаписывающей компании, а вечером – репетиция. Дела были важными, но, глядя, как Рауль с хмурым видом, закусив нижнюю губу, осторожно ощупывает опухшую стопу и лодыжку, я предложила вызвать такси и отправиться к врачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.